

Записки моей жизни*.

Тетрадь 1^а.

1843 год декабрь 5^е число

С завтreshняго дни я буду считать себе 24^и год моей жизни. Оглянусь назад и подумаю, что я сделал с того времени, когда начал понимать жизнь свою. Годы детства протекли безпечно весьма и скоро. Счастливое время, теперь только одно воспоминание о тебе осталось в душе моей.

Наступили годы юности, еще так свежо в моей памяти его время мечтаний, воздушных замков и ожидания счастливой будущности. Чего в его увлекательное время не передумал я: сердце чистое желало любви, любви истинной и тихой, такой любви которая редко является в нашем мире; искал дружбы, дружбы священной, основанной не на одних приличиях света.

В его время как я был счастлив в мечтах своих. Люди все вообще не знали меня, да им нельзя было и знать меня. Рожденный в семействе добром, но простом, и вовсе незаметном в нашем городе, не бывавший ни в каких обществах, я не умел сказать ни одного порядочного слова. Тогдашнее обращение мое было смешно для всех. Я понимал его, сносил все терпеливо и думал только о счастливом будущем.

В таком я был положении, когда минуло мне 15 лет. В этих записках навсегда останется памятен один день, лучший в моей жизни. Вот он: была зима, кажется месяц декабрь, я редко отходил от своей лавки, но в это время дошел до лавки Серебренникова, в ней был только один сын его.^{1*} Бывают такие случаи в жизни нашей, когда только один взгляд на человека мало тебе знакомого, два три слова, сказанные к нему и от него, привязывают обоих друг к другу и эта дружба делается вечною. Но подобных случаев бывает очень редко и особливо в нашем купеческом кругу. Не успели мы простоять получаса и поняли друг друга. Ему столько же лет, сколько и мне, такие же мысли, как и у меня, но он совсем в другом положении находится в свете. Я так мало заметен, он всем известен. Каждое мое движение, каждое слово было так глупо, даже смешно. Он напротив был образован. Но это не помешало быть нам друзьями, влечение друг к другу было внутреннее, душевное. И с того времени вместе менялись мы мыслями, вместе мечтали, вместе были счастливы, и с того времени отраднее потекла жизнь моя. Мысль, что есть в мире человек, который вполне понимает меня — была утешением моему сердцу.

Любезный друг, до сего места я бы показал тебе строки сии, но с этого самого места началься другой переворот в мыслях моих и я по долгу чести,

---

* Текст печатается с сохранением авторской орфографии и диалектизмов.

** Николай Алексеевич Серебренников был директором банка. (Примечание А.А. Титова — Т.К.)

по обязанностям дружбы должен скрывать от тебя самые мысли свои. Ежели бы ты знал как это трудно для меня, но видно так угодно судьбе, буду ждать времени и покорюсь ей. Может быть, Богу будет угодно, и он осчастливит жизнь мою.

2 мая 1838 года — каждой год в это время я ездил на ярмарку в село к Борису и Глебу, но в этот год нечаянно приехал туда же и друг мой. Пробывши до вечера, обратно поехали мы вместе.

Приезжаем к его дому, мать его Арина Митриевна просит в комнаты, я отказываюсь, потому что одет был очень дурно. В это самое время в одном из окошек ихова дому смотрела на нас сестра его. Я взглянул — и этот взгляд решил все об чем только мечтал я. Лошадь повернулась, я поехал — и в другом окошке опять на меня смотрела она же. Не могу приповннить что в то время думал я, но сильно билось сердце, я даже ей не поклонился. И вот все дальше и дальше от этаго дому уезжал я, и все темнее и темнее становились мои мысли. Я нашел то, чего желало мое сердце, но могу ли я любить ее. Я необразованный и даже смешный в своих поступках, поставленный в свете на незаметной точке. Она воспитанная в таком семействе, которое находится на виду в нашем городе. Нет, она не может быть моею женою. Ея семейство не согласиться назвать меня ея мужем. А она? Может ли она любить меня? Нет, я должен от всех скрывать любовь свою, от всех, даже от ея брата. Как это трудно скрывать от друга, то, об чем невольно думаешь каждый почти час. Но что будет угодно Богу, может быть и промелькнет слабый луч надежды для меня в будущем, может быть счастье когда-нибудь и улыбнется мне.

Так прошло это лето для меня памятное, мысли мои были печальны, даже тягостны. Друг мой ничего не знал о любви моей к сестре его, между тем как мне хотелось быть у них в доме — тогда я увижу ее, может быть буду говорить с ней. Но мысль, что она, видя мое обращение, будет смеяться надо мной, эта мысль убивала меня. А между тем мне все хотелось быть у них. Наконец время это наступило. В один вечер в ноябре месяце меня позвали; памятный, драгоценный вечер, подобного тебе мне нечего еще ожидать в жизни моей, я тогда был так счастлив, что вполне не могу передать етой бумаге всего того, что чувствовал. Приняли меня ласково, после чаю стали играть в вист. Я не знаю етой игры, но, не взирая на то, машинально сыграл робер. Время текло, я уже стал думать, что не увижу ее, но вот смотрю, она идет. Иван Алексеич² уступает свое место, и она садится играть с нами. Что я тогда чувствовал не могу описать, но был очень счастлив. И как тогда она была хороша, я даже помню в чем она была одета: платье было ситцевое с широкими рукавами, волосы причесаны просто, но на висках из их завито было по небольшому колечку, и как к лицу была тогда ей эта прическа. Драгоценныя воспоминания, минуты грусти и печали вы оживляете мою унылую душу. Перейдут года, может быть вного

будет перемен в моей жизни. Ежели и счастьем наделит меня судьба и тогда эти воспоминания будут дороги моему сердцу, но ежели жизнь мою посетят бедствия – о, тогда еще памятнее будет это прошедшее для меня время, тогда со слезами на глазах будет приходить на память этот вечер незабвенный.

Она вошла и первое слово, сказанное ею было: «Вот и я к вам». Что я тогда сказал, не помню, но думаю какую-нибудь глупость. Не бывавши нигде в домах порядочных, не выдавши обращения людей образованных, для меня трудно было в этот вечер вести себя, и особенно при ней. Но она обошлась со мной так ласково, как и не ожидал я. Даже было заметно некоторое ко мне расположение. Не так ли показалось мне? Ах, нет, неужели мое сердце меня обманывало! Часы пробили 10^{та}. Я и не видал, как скоро прошло это время. Надо было идти домой, поблагодаривши за угощение, я вышел из этаго дома. И так кончился этот незабвенный для меня вечер и одне только воспоминания от него остались в моем сердце. С того времени я редко видал ее, но с этаго же времени я дал себе слово сделаться таким человеком, которого не совестно было бы назвать своим мужем. И с тех пор я употребил все способы, все способности, чтобы разпространить и улучшить всю торговлю и успел в етом. Свыше моего ожидания Бог наградил меня, но вместе с улудшением торговли начало слабеть мое здоровье, и в такие годы, когда только жизнь начала проявляться мне в мечтах моих.

Моя любовь была не пламенная и страстная, но тихая и священная. Я никакого не подавал ей виду, я не хотел чтобы кто-нибудь узнал об етом из семейства их. Трудно было скрывать мне мои мысли от моего друга, но для его спокойствия я решился ничего не говорить ему. Но мне одному стало тяжело, будущее как сон носилось предо мной в призраках неясных. И вот для облегчения мыслей своих вздумалось мне передать бумаге некоторые из них о своем тогдашнем положении. Думал ли я тогда, что эти самые строки откроют моему другу любовь мою? Но етому видно так надобно было быть.

1840^{та} года в один день мая месяца, когда от нечего делать я передавал бумаге мысли свои, он нечаянно подошел к моей лавке, увидел что я читаю, и стал просить чтоб показать ему. Не помню, что тогда сказал я и машинально положил в карман свои записки. Он стал требовать настоятельно. Находясь в етом положении, что тут оставалось мне делать? Показать? Он узнает о любви моей, не показать же – будет упрекать в скрытности. И что же? Я начал плакать, как-то невольно потекли из глаз слезы. Он удивился, не стал более спрашивать и начал уговаривать, что бы я не беспокоился. Ето было спустя час после вечерень, в ето время пришел Алексей Алексеич и мы расстались.

На другой день он опять спросил, какие я имею от него секреты и что такое привело меня в слезы. Разные мысли мешались в голове моей: ежели сказать правду, каково он примет слова мои, для него может быть

это будет неприятно. Я знаю он вного предполагает о сестре своей и не согласиться, чтобы я был мужем ея. Но ежели сказать ему неправду, называть какое-нибудь другое имя, это казалось хуже. Всякой раз он начал бы говорить не о той, которую я люблю, и приводить мне на память ложь мою и вот с такими мыслями я отправился с ним по Валу³.

Все эти происшествия так для меня памятны, словно это теперь происходит перед моими глазами. Вот как начался разговор наш.

— Слушай! Ты обещал теперь сказать мне. И так говори же! Что у тебя за секреты?

— Николай Алексеич, прошу тебя, не спрашивай. Я и сам не знаю почему, только никак не могу сказать тебе.

— Что это такое значит! По етому я не стою твоего доверия. Послушай, Земсков, етим ты обижаешь меня. Вспомни, я обо всем говорил тебе и ничего не скрывал.

— Знаю, все знаю, и я не имел ничего от тебя скрытного, и теперь готов все сказать тебе, но только об етом прошу тебя, ради Бога не спрашивай.

— Чудно, не понимаю; и, право, чем далее ты не говоришь, тем более это становиться для меня любопытным. Почему же ты не можешь сказать мне?

— Ах, ежели бы ты только знал, ежели бы был теперь в моем теперешнем положении! Право я не знаю что делать. Друг, прошу тебя, для твоего же спокойствия, не спрашивай меня.

— Нет, ты должен непременно сказать мне, я без того не отстану. Ну, говори же. — Молчание — Говори же! Ах ты, Господи Боже мой! Да что ты, Земсков, в уме ли? Ну да говори же!

— Никак не могу начать разговор етот. Ну, слушай, я лучше напишу тебе.

— Да для чего откладывать? Ведь все равно, чем писать, так лучше сказать. Да сделай милость, говори же! Что это, почьти целой вал прошли, и ты все еще не сказал!

— Но ежели это известие огорчит тебя, может быть, от моего молчания будет зависеть дружба наша. Было же так угодно судьбе, чтобы между нами вышло такое произшествие. Я еще и самому себе, не могу дать отчета в мыслях своих. Ежели бы можно было, то в глубине души скрыл бы это.

— Ты меня удивляешь, братец. Даю тебе честное слово, даже клянусь, что ета тайна твоя умрет в груди моей. По сему ты должен сказать мне.

— Хорошо, я обещаю, только не теперь.

— Почему же не теперь, а когда же?

— Когда? Я и сам не знаю когда. Думаю скоро, очень скоро. Может быть через месяц, через год, через два я право не знаю, это не от меня зависит.

— Кажется ты сходишь с ума. Наконец спрашиваю тебя решительно, говори же! — Молчание.

— Послушай, говори же!

— Друг мой, ежели бы ты знал, что я теперь чувствую, ты пожалел бы меня.

— Ничего не хочу слушать, спрашиваю в последний раз. Говори же!

— И ты непременно хочешь?

— Хочу и требую.

— Слушай, все это заключается только в трех словах. Ты видел я употребил все усилия, и не зирая ни начьто ты требуешь. И так, я скажу тебе, только прошу пожалей меня, будь по прежнему другом моим, твоя дружба для меня дороже всего на свете.

— Напрасно ты говоришь это. Чтобы не случилось в моей жизни, всегда обещаю быть другом твоим. Ну, говори же!

— Изволь. — Молчание.

— Послушай, ты взбесишь меня. Да говори же!

— Вот что. Люблю сестру твою.

— Ну, и почему же ты не мог сказать мне? Я не так низок, чтобы мог обидеться етим.

— Слушай, я дал себе слово, когда тебе будет известна любовь эта, то с этого времени я более не должен бывать в доме вашем.

— А нет, напротив, ты этаго сделать не можешь. Етим ты обидишь меня как нельзя более.

— Чувствую твое расположение, любезный друг, но с этаго времени я не могу равнодушно при тебе видеть сестру твою.

— Хорошо, я даю тебе слово, когда ты будешь у нас, она не будет показываться.

— Но для чего я буду ходить к вам?

— Для того, что я хочу этаго, ежели бы я стал обижаться на тебя за любовь твою к сестре моей, это было бы очень глупо. Как друг принимаю в этом участие и как брат ничего не могу сделать для тебя.

— Я ничего не требую от тебя, я вовсе не хотел чтобы ты знал об этом. Ежели бы можно было, то даже от самого себя скрыл бы любовь эту. Но прошу тебя не напоминай мне более об этом разговоре, будем опять жить как и прежде, будто между нами ничего не происходило.

Разговаривая таким образом, дошли мы до Покровской улицы и простились. Был уже 9^й час вечера, я воротился и пошел один к своему дому. Наконец ему известна любовь моя, но эти слова — «когда ты будешь у меня, она не будет показываться», как ножом разрезали мое сердце. Так и последнее мое удовольствие видеть ее выхвачено у меня. Вот первое последствие того, что стала известна любовь моя моему другу.

Время текло обыкновенным своим порядком, но ничего особенного не произошло между мною и моим другом. После нашего разговора я уже очень редко видал ее. Он верно сдержал свое слово и когда я бывал у них, ни одного разу не видал ее. О, как тогда мне было тяжело и грустно, я даже готов был плакать. Тот вечер, когда первый раз видел ее, никогда

не выходил из моей памяти. Редко склонялся разговор между нами на сестру его, но когда начинали говорить об этом, то он всегда напоминал, чтобы я не имел никакой надежды. Потому, говорил он, что сестра моя, думаю, не согласится вытти за тебя. Между тем, по делам торговым, я делал быстрые успехи. Две поездки в Нижегородскую ярмарку, раза три каждый год, в Москву, все это не только годами, даже месяцами, более и более распространяло и улудшало мою торговлю и вместо получаемых 2 тысяч рублей, я через труды свои достиг до того, что стал приобретать около 6 тысяч рублей. Но, взамен етого год за годом слабее и слабее становилось мое здоровье. Я начал худеть, и, наконец, лице приняло вид страждущий и болезненный. С етого времени еще печальнее и безотраднее потекла жизнь моя. И до сих пор мысли безнадежные, невыносимые, убивают и мучат меня. Наконец, тому уже 3 года как мой друг спросил меня в останний раз:

— Послушай, скажи как ты думаешь теперь о любви своей, прошло ли это?

Вот что на это я сказал ему:

— Сначала эти мысли мучили, терзали меня, но разсудивши хладнокровно я понял, что она не согласится вытти за меня, а потому и старался об этом думать как можно менее и теперь, слава Богу, все это прошло и кончилось. Я уже равнодушно думаю о сестре твоей.

На это отвечал он:

— Видишь, я сказал тебе, что все это пройдет, но ты не верил.

Скрепя сердце видел я, что етому известию он очень был рад. Для чего мне было говорить ему правду? Я видел ясно, что ему будет ниско считать меня мужем сестры своей. И так, полагаясь на время, я разуверил его, и с тех пор прошло 3 года и не одного слова, ни одного напоминания от него не слышал я, будто между нами ничего и не происходило.

Раз, это было в один прекрасный летний день, я пришел к своему другу; как мне тогда хотелось видеть ее, но она не являлась. Мысли, что нахожусь в одном с нею доме не выходили из головы моей. Вдруг Николай Алексеич сказал: «Пойдем в мезонин». «Пойдем», — отвечал я, и, перешедши лестницу, мы вошли в ту комнату, которая находится прямо против озера. Из окон ея остров и почти весь противулежащий берег был виден на немалое пространство. Как хорошо смотреть на наше озеро в прелестный тихий летний день! Ни одной струи не видать на воде. Она стоит гладко как зерькало, а за ней вдали в разных цветах: синих от леса, зеленых от вышедшаго на полях хлеба и ранжевых от полей только еще засеянных, виднеется весь противулежащий берег. Заходящие лучи солнца, параллельно ударяя в воду и прямой чертой дробясь на ней, величественно освещают берег противоположный. Очень редко, кой где плывет лодка по озеру. Только одни рыбаки, пользуясь приближением вечера, вертяться около одного места распуская невода. Долго с наслаждением смотрел я на наше

озеро, пробило 6^{ть} часов. Вдруг пришло мне в память, что, может быть, Александра Алексеевна находится в другой комнате мезонина, и я спросил своего друга: «А та комната велика ли у вас?» «Етой больше, пойдем, посмотрим», — отвечает он. Мы вошли, сильно билось у меня сердце. Приходим, ожидание не обмануло, она была тут и держала в руках книгу. Я взошел, взглянул и смешался, быстро подошел к ней и сказал глупость самую пошлую: «Вы занимаетесь книгами?» Что она сказала не помню, голова моя горела, руки дрожали, я был сам не свой, но как теперь гляжу она показалась мне очень бледна. Долго ли я был, как вышел и что говорил, ничего етого уже не помню. Кроме того, что в комнате была еще какая-то женщина, должно быть их родственница, которой, вошедши, я не поклонился. И еще на постели ея лежало срубленное деревце акации. Скоро, очень скоро прошли ети часы счастливыя и я оставил етот дом, где столько было для меня счастья, с грустию невыразимою.

Другой раз, только что начали показываться первые дни прекрасной свежей весны, в один из них, пришедши из лавки, пошел я пройтись по Валу. Прохожу мимо Саду и вижу: Арина Митриевна, мой друг, Иван Алексеич и она сидят на скамье. Почти невольню я подошел к ним, поклонился и тоже сел на скамью. Прошедши раза с три кругом главных аллей, пошли мы по Валу к стороне озера. Она шла впереди, платье на ней было белое кисейное с открытым воротом. Небольшой шелковый платок прикрывал шею и, обдуваемый ветром косячок его, поднимаясь, открывал почти все ея плечи. Как ето все для меня памятно! Етих часов в жизни моей так невного, что каждая их минута теперь для меня драгоценна. Дошедши до каменнаго мосту, я простился, и с того времени даже до сих пор почти ни одного разу не видал ее, а мысли об ней каждой день не выходят из головы моей.

Мой друг после последняго разговора, когда сказал я что ета любовь моя кончилась, почти ни одного разу об ней не говорил мне. И вот с завтрашняго дня буду считать себе 24^ю год своей жизни и моя надежда, мое ожидание ни одного разу не порадовало меня. На то во всем буди Господи святая Воля Твоя, пред Тобой открыты все мысли мои. Могу ли я, твой раб ничтожный, просить тебя Творец Небесный? Услыши мою молитву, призри с высоты славы Твоея и помилуй меня грешнаго.

Тетрадь 2^а

С 15го декабря 1843го года. Последняя статья генваря 18го 1844го.

1843^ю год декабрь 15^е число 11^я час ночи.

Сейчас только пришел от Серебренникова. Нынешний вечер был у них, думал видеть ее, говорить с ней и заметить имеет ли она хоть какое-нибудь ко мне расположение. Но етаго ничего не исполнилось. Я не видал ее, она находилась в гостиной, а я был в зале, двери, соединяющие ети комнаты, были притворены. И так зачем же я был у них, зачем? И опять

когда будут просить идти к ним, она тогда не выдет. Эти мысли тяготят, мучат меня. Боже мой, когда же я ее увижу, когда же буду говорить с ней! Приняли меня посредственно. Половину вечера разговаривали, потом сыграли одну пультку в преферанс и я отправился домой. Пешком, лошадь не заложили, видно она мало думают обо мне. Бог с ними.

22го декабря 11^й час ночи.

Как мало я прожил на свете и как много испытал разных мыслей и впечатлений. Мало было мыслей радостных, больше было безнадежных и горестных. В 23 года в лета в которые только что начал жить, в которые думал составить себе счастье, теперь в эти самые годы чувствую: силы мои слабеют, дышать тяжело, что-то сильно давит левый бок. Это признак смерти. Хожу как сонной и таю как свечка. Неужели так скоро и в такие годы мне определено покончить жизнь свою? Господи, дай привыкнуть к этой мысли! И для чего я безумный так хлопочу, так беспокоюсь? Ах, хоть и тяжело, но покамест ходишь, ведь трудно оставить то, что основал сам с немалыми трудами. А мысли о ней? Нет-нет я умру с ними, никогда они не выдут из памяти моей, видно мне с нею не суждено испытать счастья. Дай ей Бог найти его с другими. Но нет, я предчувствую он не будет так как я любить ее. Эти мысли каждый день не выходили из головы моей, так до последнего конца дней моих видно мне не позабыть ее. И вот в этом самом доме, об котором хлопотал я и перестроил, в этом самом доме отпоют мне Вечную память в последний раз. И все, которые знали меня, я думаю, придут посмотреть на кости мои. Поплачут ли, пожалеют ли обо мне? Бог их знает. И так покончится жизнь моя. Пройдет месяц, пройдет и год и даже память обо мне выдет из памяти знавших меня. Но позабудет ли меня Друг мой? Я думаю до самой могилы он проводит меня. А она? Нет, она не знает меня. Но ведь и до ней слухи дойдут, может быть она и скажет: «Дай Бог Ему Царство небесное». Ах, ежели бы это сказала она! После завтра пойду к Дезидерьеву⁴ с предложением, не купит ли он дом Петра Петровича, и посоветуюсь с ним. Что-то он скажет мне?

23го 9^й час вечера.

Нынче поутру я чувствовал себя очень хорошо, но, вышедши в лавку, чем долее говорил с покупателями, тем более ослабевал голос. Наконец, стало очень тяжело, я ушел в палатку и полчаса отдыхал. Вот какая жизнь, как это трудно, но я никому не подаю вида что болен, с трудом перевожу голос и делаю из себя вид бодрый и спокойный. И всякой думает как я счастлив, и очень многие завидуют жизни моей и удивляются от чего я худ. Люди, не многие из вас знают, что здоровье дороже всего на свете. Но чем это все кончится, что-то скажет завтра Евгений Гаврилович?

24го 7^й час вечера.

Нынешним вечером я думал идти к Дезидерьеву, но не пошел. На улице сильная погода с мокрым снегом, везде нанесло сугробы. Делать нечего, надобно отложить до завтра.

25^е число. День Рождества Христова 7^а час вечера.

И ныне мне не привелось видеть Евгения Гаврилыча. Стало смеркаться, я прямо из лавки пошел к нему, но мне сказали, что его нет, он уехал обедать к Татищевым и не приезжал. Какая досада! Другой раз прихожу и все нет его дома. Но нынешний день я был почти здоров и пел басом так громко и легко, что по комнатам славно раздавалось. Да правда болен ли я, не так ли мне думается? Господин Взоров⁵ сказал, что я ипохондрик, то есть человек самой мнительной. Он и Крапп советуют мне жениться. Кажется ежели бы оне замечали во мне какую-нибудь опасную болезнь, то для чего бы им и советовать об етом. Не пойду больше к Дезидерьеву, схожу лутче к Взорову, он всегда дома. Подарю 10 рублевую красненькую и решительно спрошу, есть ли во мне что опасное или нет. Но он опять заговорит, что я ипохондрик. Пожалуй, пускай его говорит что хочет, но без того не отстану, спрошу решительно, и ежели нет никакой во мне опасности, выкину все печальные мысли из головы, что будет, то будет. Всякому человеку, что определено то с ним и сбудется. Кто как хочет, а я верю в етот фатализм.

Ах, ежели бы все то забылось об чем я думаю, ежели бы я мог знать любит ли меня она. Но нет, может ли она любить человека такой наружности, какую теперь имею я: лицо больничное, бледное, какое-то страдающее. Хоть бы не вного походить мне по наружности на человека здорового. Но я не могу жить без нея, я так привык к етой мысли, что ежели она будет женою другаго, то после того не знаю каким образом потечет жизнь моя. Тогда одним ударом разразиться все об чем я думал и мечтал каждый почти час. Но как же мне узнать имеет ли она хоть какое-нибудь ко мне расположение? Вот как начьну действовать: нынче на святках или после Крещенья я думаю Николай Алек<сеевич> будет звать меня к себе. Но ежели опять она не выдет? Кажется ей надобно будет показаться, потому что бывши у нас Ник<олай> Алек<сеевич> видел сестру мою. И вот только бы мне увидать ее и етаго довольно, я думаю, не ошибусь. Мои глаза и соображения меня не обманут, и ежели замечу, что она имеет ко мне расположение, спустя не вного времени скажу обо всем что думаю откровенно и по дружески ея брату. Кажется, ему на ето обижаться нечево. Что же какого же надобно еще им жениха? Ежели и есть во мне какой недостаток, то только слабое здоровье и худое лице, а кто дольше проживет неизвестно — дюжей ли Африкан Мальгин⁶ или я грешный. При том же ему известен мой характер со всех сторон. Думаю, не у всякого он сыщет такие мысли как у меня. Как я важно описал себя, просто перечитаю, хорошо. Какого же еще надобно мужа сестре его? Я буду просить, чтобы он нечаянно завел разговор обо мне и узнал любит ли она меня или нет. Ежели она скажет нет, то все кончено, против желания ея никогда не соглашусь быть мужем ея. Но что-то еще услышу от Афонася Родивоныча? Может быть мне еще ничего не приведется сказать Другу своему? Сколько нынче я написал, ето значит, был довольно в хорошем расположении духа.

26^е число 11^й час ночи.

Неожиданно нынче я был у Серебренникова, и опять не видал ее. Наконец уже это мучительно. Весь вечер был словно не свой, вел себя принужденно, и, думаю, был даже смешон. Но что это будет, пожалуй, хоть все веди себя таким образом и мучься мыслями каждый час и все опять ничего не узнаешь. Конечно, на этих же днях решаюсь спросить своего друга, чтобы он узнал согласиться ли она выйти за меня или нет. Это, кажется, для него не может показаться обидой. Неужели же мне посылать свата? С этаго времени, по крайней мере, он будет знать настоящие мысли мои, и я в разговорах с ним не буду говорить того чего не чувствую. Ежели он скажет, что сестра его желает вытти за меня, тогда только я должен буду начать знакомство с этим домом. А ежели скажет, что она не согласна, то хоть поскорей бы принять этот удар, и тогда не для чего мне будет больше ходить к ним и искать знакомства. А теперешная неизвестность тягостна даже нестерпима для меня. Итак, решаюсь!

Боже мой, что будет? Неужели она скажет что я терпеть не могу его? А какое почтенное, доброе его семейство. Словно об родных я привык думать об них. Кажется, Арина Митриевна любит меня. Но почему я не вижу ее, для чего она укрывается от меня? Не понимаю, неужели я так отвратителен, что она даже не может и быть со мною, или может быть ей так приказывают? Но спрошу его, узнаю свой жребий. Неужели он мой друг обманет меня? Ежели и он не скажет правды, тогда прости, прости все для меня священное. Тогда одна только пустота останется в моем сердце. И разве одне только эти записки будут напоминать мне прошедшее время его.

Все спят. Какая у нас тишина в комнатах! Скоро будет бить 11^й часов, пора и мне лечь на свою постелю. Что-то ожидает меня в будущем? Бог Весть! А друг мой должно быть очень привязан ко мне, нынче в минуты откровенного с ним разговора он даже обнял меня, и мне нельзя было тогда поверить ему душу свою и я должен в подобные минуты платить ему холодностию. Но решаюсь, полно мучить себя, скажу ему все. Что будет, то будет.

Любезные мои записки, подите в секретный ящик моей конторки. Разве только после моей смерти увидят вас глаза человеческие, вы никому не должны быть известны. Но неужели и другу моему никогда не покажутся? А может быть будет время и он прочтает их? Но когда же придет его время? А вот ежели сестра его пред лицом Всевышняго даст клятву принадлежать другому, тогда мне не для чего будет их скрывать от него.

Число 27^е 6^й час вечера.

Нарочно было я пошел в лавку к моему другу чтобы с ним объясниться, но никак не мог начать этаго разговора. Неужели я так робок? Рано ли, поздно ли, но уже должен же буду переговорить с ним. А время

было самое удобное, только двое сидели мы на диване и он рассказывал о своих предположениях в будущем. Я только слушал и ничего не мог сказать ему, что-то грустное и унылое, словно я предчувствовал. Он спросил почему я так печален и я сослался на головную боль. Да, я очень нерешителен.

28^е число 2^й час дня.

Как я слаб на службе. Нынче при 13-ти градусах мороза никак не мог простоять в лавке до вечера и ушел обедать. Подумаешь: что ежели будут зимы холодные, как мне будет жить тогда, а я долго решительно не могу быть на морозе. Скоро 2 часа, иду в лавку.

28^е же число — полночь.

Нынче я был у Шетневых⁷, вечер прошел довольно нескучно. Из числа гостей были Настасья Алексеевна Хранилова с мужем своим и свекровью⁸. Играли в карты — в короли⁹. Настасья Алексеевна дама довольно умная и образованная, напротив муж ее — настоящий двойник Тараса Скотинина.

Когда мы вошли в комнаты, уже играли. Положение игры было следующее: мосея Хранилов Яков Васильич¹⁰ — Король, господя Шетневы: Василий Алексеич — Принц, Иван Васильич¹¹ — Будошник и Митрей Иваныч Хранилов¹² — Мужик. Подхожу к столу, Василий Алексеич уступает мне свой стул и я в чине принца начинаю продолжать. Игра обошла 1 круг и вот я Король. В это время пришли Настасья Алек<сеевна> с Людмилой Николаевной¹³ и поместились около нашего стола. Раз с пять обошла игра, и я был все Король. Добрый Митрей Иваныч сдавал почти весь вечер и так не ловко, что мне стало жаль его и я, передав ему свое королевское титуло, сделался Мужиком и начал сдавать. Тут принесли шашельницу¹⁴, Митрей Иваныч ретировался, а вместо его стала играть Настасья Алексеевна. Чудное дело как человеком играет Судьба. Хорошей, умной и образованной женщине привелось жить за таким мужем, который не только что не умеет сказать порядочного слова, но даже и высморкаться порядком. И она бедная теперь уже терпеливо должна сносить всю жизнь свою. Но думал ли я, чтобы мог сделать какое-нибудь на нее впечатление? Но вышло так. Очень ласково она на меня смотрела, и когда кто-нибудь из действующих лиц нашей компании отпустит не приличное слово, глаза ее тотчас обращаются ко мне, и грустная даже жалкая улыбка появиться на лице ее. И вот, когда все стали прощаться и вышли на крыльцо, тогда она бросила на меня взгляд, полный горести и привязанности и довольно долго смотрела. Нет, это был взгляд не кокетки. Но напрасно Настасья Алексеевна так ты смотришь на меня. Мой жребий уже брошен и, кажется, ничто в мире не может переменить его. Нет, мое сердце никого не может любить кроме той, которая всегда, каждый час не выходит из мыслей моих. Ах, ежели бы этот самый взгляд бросила она, тогда я не знаю чтобы мог чувствовать, но как жаль мне Настасьи Алексеевны. Дай Бог ей счастья. Неужели моя наружность

может нравиться? Теперь вижу этот на этих годах первый еще пример. Играли долго и все в Короли, потом как-то в Свиной¹⁵ и приехали домой в последней четверти 11го.

Тут же были Пановы. Бедная Серафима Никаноровна! Все для тебя кончилось, словно убитая была ты весь вечер. А давно ли и ты была так весела и счастлива. Теперь уже не подходишь больше к своему мужу и не целуешь его. А он словно Демон с своими рыжими букенбардами в сером коротком сюртуке сидит на софе и не одного взгляду не обратит на нее. Нещастная женщина! Теперь все для тебя кончилось. Но будет, устал, глаза больше не могут смотреть, так и клонит ко сну. Чу, бьет, это 1^й час ночи.

31^е число. Последний день 1843го года. Вечер.

Вот пройдет еще несколько часов и 1843 года словно не бывало. Он уйдет в вечность. Время для всех людей течет одинаково. Но всякому ли человеку оно приносит счастье? Для одних этот год был годом радости, для других он шел обыкновенным порядком, не делая в жизни никакой перемены. А для третьих может быть этот год был годом слез и печали. Нещастных дней в жизни человека бывает больше чем радостных. Первые как-то чаще приходят на память, и тогда мы невольно вспоминаем разные случаи жизни нашей и часто жалуемся на судьбу свою. А между тем время все идет и в своем течении сглаживает и дни радости, и дни горести, а человек все думает и составляет разные планы в голове своей, и когда доживет до осенних дней своих и вздумает, что я сделал в жизни полезного, итог в общем смысле выдет: ровно ничего. Ему некогда было жить для других, он всю жизнь жил для самого себя. Думал, беспокоился, трудился и, дошедши до границы своей жизни, умер ни с чем. А время все идет одним порядком и переменяется один только счет годов. 1843^й год я встретил в Москве, в благородном собрании и его начало было для меня несчастливо. 9го января приехал я в Градскую больницу и почти целый месяц пролежал в ней. Смерть каждый час в разных видах была перед моими глазами, и я, наконец, так привык к ней, что без содрогания смотрел на последние судороги умирающих людей. Богу было угодно освободить меня из этого дома человеческих страданий. И вот я опять начал жить, мыслить и действовать. Приехавши в Ростов, сосчитал лавку. Торговал отлично. Результат оказался следующий: в доме изсорили 5000 рублей и сверх того осталось еще пользы.

В ростовскую ярмонку исполнилось одно мое желание, Петр Семенович Рахманов¹⁶ поступил к нам в прикащики и начал торговать на отчете в особенной лавке из половинной пользы. Все нынешнее лето была перестройка в нашем доме и кончилась в октябре месяце. Слава Богу, это желание исполнилось. Наконец, с 5го декабря я начала вести дневник и записывать все что мыслю и чувствую.

Вот главные события моей жизни в прошедшем 1843^м году. Будущий 1844 еще закрыт, неизвестно чем он кончиться. Этот год, не будет ли

последним в моей жизни? А напротив, может быть в нем и сбудутся мечты мои?

1844^й год январь 2^е число 1^й час дня.

Приветствую тебя Год новый и таинственный! Наделишь ли ты меня счастьем? Еще предо мной всего тебя закрывает завеса неизвестности. Не вдруг, а постепенно поднимается она, и только тогда открывает глазам человека его положение, когда оно ему уже известно. Что ежели бы эта завеса, закрывающая течение етого года поднялась вдруг и открыла бы, какая судьба ожидает меня? Но нет для всякаго смертнаго будущее покрыто туманом неизвестности. Но природа наделила нас способностями мыслить, мечтать и думать. Хорошо ежели эти мечты сбудутся, но напротив когда оне год за годом начнут исчезать и приходить в разрушение, тогда это разочарование бывает убийственно. Так и я ожидаю вногаго от етого 1844го года. В нем должен случиться переворот моей жизни. В етом году я должен узнать будет ли принадлежать мне та, которую желает мое сердце. В етом году буду надеяться не возвратиться ли ко мне прежнее мое здоровье.

5^й час вечера.

Вчерашний день я был в Маскараде Благороднаго собрания¹⁷, вечер прошел довольно весело. Танцовали, я смотрел и только, больше делать мне было нечево. Надобно безпремено учиться танцовать, быть в бесдействии в таких обществах не так ловко. Приехал домой в половине 2го часу и в ту же минуту уснул, что называется богатырским сном. Так что даже проспал и раннюю обедню. Сей час иду на вечер к Пановым.

3^е число 5^й час вечера.

Какой я чудной человек, каждый день вижу своего друга, нарочно часто прихожу в его лавку с решительным намерением объясниться, бывают самые удобные минуты, а еще до сего времени не смог сказать ему ни одного слова. Что ето такое значит, что такое меня удерживает, неужели что-нибудь безнадежное предчувствует мое сердце? В каком несносном я нахожусь положении. Видно до лета надобно отложить етот разговор, посмотрю, что будет.

6^е число день Богоявления Господня 1^й час по полудни.

Бывало, с каким восторгом встречал дни подобные нынешнему. Етого времени больше не будет, оно прошло и не возвратиться. Да, бывало, каждой праздник приносит веселие и радость. С каким тогда восторгом бегаёт, играет веселиться и не знает усталости! Все так живо, так здорово, ровно бьется сердце, свежей воздух очищает лехкия и как лехко, как весело, не одна печальная мысль не заглядывает в душу. Движения, поступки, слова не облечены в формы теперешняго обращения. Да все ето бывало в лета детства, и ета беззаботная жизнь как молния промелькнула едва заметно и кончилась. Человек начал расти и умнеть. Вот уже лице его приняло все формы светского обращения. Уже не по прежнему встречает он товарища юных лет, не по прежнему

с ним веселиться, теперь по правилам приличия. Он жмет ему руку и разкланивается. И так он вступил в свет и начал жить. Но вот когда приходят те самые дни, которые прежде радовали его и возжищали, теперь на эти дни равнодушно смотрит он как на обыкновенный ход существующаго в мире порядка. И все так проходит в нашей жизни, и видно чем долее будет жить на свете, тем чаще будут приходить на память прошлые годы.

10^е число 9^и час утра.

Нынешнюю ночь я видел сон от котораго еще и теперь могу придти в свое обыкновенное положение. Снилось, будто я был в доме Серебренникова. Какой-то особенной в нем порядок поразил меня, везде было чисто и комнаты прибраны в каком-то новом виде. Я ходил и любовался на ету чистоту и порядок. Вдруг вижу Александра Алекс<еевна> выходит замуж будто за какого-то иногороднаго. И вот очутился на какой-то подвалке, только одна стекольчатая рама отделяла меня от комнаты, которую было видно. Гляжу в этой комнате сидит она и возле нея нареченный муж ея в долгополом сертуке, с волосами, остриженными по руски и довольно нехорош собою. Мне стало очень грустно и вот она поднимает руку, указывает ему на меня и смеется. Мне стало еще грустнее и вдруг я очутился в етой самой комнате где была она, подошел к ней и проздравил. Она засмеялась, отвернулась и стала плясать. Уныло смотрел я на ету пляску, мне стало очень тяжело и грустно. Потом я очутился уже в другой комнате. Вижу стоит кровать с белым занавесом, а по стенам висят платья. Никак не могу описать какая тоска овладела моим сердцем, я побежал вон и проснулся. Прихожу в память, смотрю лицом лежу кверху, одеяло свалилось на пол, прижимаю руку к сердцу, сильно бьется. Дотрагиваюсь до головы: лоб мокрой, а холодной. Мне стало страшно, как-то неволью мысли самые унылые не выходили из головы. Долго ли я был в етом полусонном положении не помню. Только слышу – бьют часы, считаю 7^{мб}. Тетинька встала и начала одеваться, стало светать, раз пять я прошел по комнате, потом опять лег, закутался в одеяло и уснул. Когда пробудился была уже половина 9го и все отпили чай.

Генварь 14^е число 9^и час вечера.

До сего времени, мог ли я думать, что бы он мой друг обращался со мной политически? Запишу ето произшествие. Толокнников Фед<ор> Иванович¹⁸ и я были у его в лавке. Между протчим Толокоников сказал: «Ну что, а как наш преферанс?» Н.А.: «А, да, пойдет счастливо, пожалуйста нынче к нам Федор Иванович». Ф.И.: «Хорошо я буду с Николаем, только затем и зашел чтобы спросить об етом». Н.А.: «Да вот кстати прошу и Николая Фед<оровича>». Я.: «Покорно благодарю, я очень плохо играю». Н.А.: «Тем для нас лутче. Меньше будем ставить ремизов». Тут Толоконников раскланялся и ушел. Простоявши до вечерен и я ушел и более не подходил к нему. Думал, что когда поедет

домой он зайдет ко мне и как следует позовет меня, потому что ежели простоять у его до вечера неудобно, словно напрашиваться. Но вот вечер пришел, лошадь подъехала, он сел и уехал. Это значит, тут я был бы лишней, ежели бы он имел желание чтобы я был у них, то по вечеру безпременно бы позвал меня. Но для чего же ему было приглашать при Фед<оре> Иваныче, будто только для приличия и льстить мне. Ежели бы он ничего не сказал, тогда я не мог бы иметь никакого подозрения о его обо мне мнении. Но теперь вижу, вижу вполне, что только то он уважает, что может отличить семейство его. Так Бог с тобою друг мой, желаю тебе богатства и известности, живи счастливо. Неужели все надежды отнимет у меня Судьба? Был только один он, но и тот начал обращаться со мною из одной только личности, видно, чем далее пойдут годы, тем холоднее будет его сердце. Куды девались наши прежние и откровенные с ним разговоры? Возвратятся ли оне опять, не знаю. Но теперь не как прежде, а холодно и равнодушно он говорит со мною и только того не доставало, чтобы эти холодные разговоры он обратил в политические. Повторяю: друг, желаю тебе богатства и известности, живи счастливо.

16^е число 7^а час вечера

Сей час только пришел с венчанья Александра Иваныча¹⁹ и (пропуск в тексте, рукой Титова вписано — Анны — Т.К.) Васильевны Титовых. По слухам эту невесту называли прекрасною, но мне не понравилась: круглый лоб, черные малые глаза и углубленный рот. Все это не делает особенного впечатления, эти лица мне не нравятся, росту невысокого. Публики хорошей было мало, посредственной — вдоволь, молодежь почти вся, впрочем это венчанье нельзя назвать пышным. По приходу с полчаса изволили мы дежурить на паперти по важной причине: солдаты не пропустили в церковь.

17^е число 6^а час вечера.

Нынче Николай Алексеич вдруг спросил меня, почему я не приходил к ним тогда когда были Толоконниковы. Я сказал, что не захотелось итти пешком. Поэтому напрасно я думал будто только из одного приличия он приглашал меня. Ежели бы это было так, то для чего ему через 3 дни и спрашивать меня. Я точно ошибся с расположением, он приглашал меня. Право как часто меняются мысли у человека. Нынче думаешь так, завтра иначе. Что ежели бы эти строки увидел Друг мой? Я думаю до сыта бы насмеялся, но он никогда не увидит их. Такие глупости друзьям не показываются. Но что-то писать никак не хочется. Аминь, будет.

18^е число 11^а час вечера.

Сейчас лежа на постели перечитал все написанное в этой тетради. Во многих местах надо бы переменить слог, другое — вовсе уничтожить. Но дело неважное, ежели бы писать для публики, то надо бы подумать о слоге, но это собственно для себя, так не переправлять же.

Тетрадь 3^я

Января 20го числа 1844 года. Последняя статья 1го апреля.

1844 год месяц январь 20^е число 9^е час вечера.

Наконец прикрыли ету богатую невесту из Ивашева, именем Устинья по отчеству Ивановну. Якову Васильичу Хранилову²⁰ определила судьба быть мужем ея. Желаю вам лета вногия чета благословенная, да наделит вас судьба всеми благами мира сего и да защитит вас Аллах молитвами пророка от недобрых людей.

28^е 9^е час вечера.

Нынче Бобов, Шмагин, Гогин и я отправились во 2^м часу дня в Заровскую церковь смотреть на венчанье Якова Васильича с девицею Устиньею Ивановной. Приходим, 3 солдата пожарной команды красуются у паперти и снова не велено впускать. Заставляют простоять около получаса на вольном воздухе. Но вдруг по какому-то случаю полицейския Аргусы переменили свое положение и впустили в церковь. Народу было уже порядочно, вскоре приехали и новобрачные, я настроил глаза, чтобы посмотреть какое впечатление произведет на меня ета невеста. Смотрю: вот Шетнев Иван Васильевич важной и скорой походкой с образом в руках проходит в алтарь. Потом, перекачиваясь с право налево показывается г. Полицмейстер. Наконец, к нетерпеливому ожиданию всей публики являются и новобрачные. Еще не успели они встать на свое место, как довольно громкое «ух!» раздалось по некоторым местам церкви. Ах, как не хороша, посмотрите настоящая деревня, как жаль Якова Васильича, да просто не в свое она забилась платье — и тому подобные слова были слышны в народе. Вот каково было первое приветствие молодым Храниловым. И точно ежели человеку воспитанному, понимающему приличия и жизнь людей образованных, иметь такую жену просто убийственно. Дело другое если бы расположение лица ея было несколько привлекательно, а то, напротив, в полном смысле деревенское. Отец Николай обвенчал, что называется на скорую руку и етим заслужил благодарность всей публики.

Месяц февраль 6^е число. Воскресенье 9^е час вечера.

Вот прошел и последний день масляницы. Назад тому 4 часа почти весь город был на ногах. У кого есть лошади — катались, у кого нет — смотрели. Все в праздничных платьях веселились и смеялись, забыто горе и неудачи, всякой кажется был весел и доволен. Но вот еще несколько пройдет часов, и на етом самом месте, где нынешний день было так живо и весело, на етом месте будут завтра продовать толокно, редьку и хрен. Какая противоположность! И как печально будет раздаваться редкий и унылый звук соборного колокола, призывающий на молитву и Великопостные поклоны благочестивых христиан. Так вот наступает и Великий пост, а вместе с ним и наша ярмарка. Хлопот, движения, беспокойства будет довольно. Дай Бог чтобы все по делам торговым, привести к одной точке и покончить благополучно. Однако прошло

времени немало, а я почти не писал ничего. Приезд Петр Петровича мало дал мне времени заняться етим. Да при том не хотелось, я ужасно изъеленлся. Но вот что запишу. Мой друг познакомился очень коротко с Иваном Борисычем Одинцовым²¹ и почти каждую неделю бывает у них. Я раза с три приглашал к себе Николая Алекс<еевича>, но он отговаривался, по необходимой причине. Или куды-нибудь отозван, или ехать холодно, а, напротив, ежели звал его Одинцов, то и время находилось и ехать было тепло. Вот что значит богатство! В нынешний, основанной на разчете, век трудно найти друзей истинных. С слезами вспомнишь время прошедшее, когда не по нынешнему он думал о приличиях света, тогда он душевно был расположен ко мне. Но может быть теперь и я переменился, может быть и нынче я не умею занять его по прежнему. Ета я часто ходил в его лавку и до того доходилсья что даже стало совестно самого себя. Когда из числа катающихся еще издали увидишь сивую лошадь Серебренникова, от чего тогда вдруг сильно начинает биться сердце, и почему ни об ком из катающихся так не думаешь как об ней и почти не замечаешь их? И что же? Во всю зиму не одного почти разу она не обернулась на меня. Нынче я нарочно вышел в толпу смотрящих и решился твердо стоять до того времени когда она проедет. Смотрю, еще издалека показывается их лошадь, подъезжают, гляжу прямо ей в лице, она заметила и отвернулась. Мой Друг бутто не видал меня и не поклонилсья. С облитым кровию сердцем отошел я прочь. Теперь вижу, что она не может любить меня. Как грустно! Мысли черные, невыносимья тяготят голову и разрушают грудь мою. Что ето жизнь за мучительная, любить и быть нелюбиму, ежели кто испытал самая злая мука на свете, да и что жизнь без любви. Богатства что ли пожелать, но что в нем? Состорил ли что-нибудь, надел ли — поговорят, подивяться, позавидуют неделю, месяц, вного уж год, и потом все придет в обыкновенное положение, а в сердце одна только останется пустота. А ежели не ето — гордость и ненасытная страсть к деньгам. Так кроме любви Ея все для меня потеряно.

Марта 1⁴ число. Вторник 6^и недели Великаго поста. Вечер.

Прошла наша ярмарка и благодарение Богу прошла благополучно, торговали хорошо, даже очень хорошо и покупку товаров кончили успехом. Вот перебрались в годичную свою лавку и все пошло по-прежнему, ярмарки словно и не бывало. Теперь тихо, спокойно, дела по лавке почти нету, торговля посредственная, слабая, время стоит ясное и холодное, морозы по утрам даже доходят до 16 градусов.

Вот еще невного пройдет времени и солнце с каждым днем поднимаясь выше и выше, начнет светить по весеннему, наступит самое лутчее время года — месяц май.

Как я люблю етот лутчий месяц весны. Утро, бьет 4 часа, свежо и ясно, небо чисто, почти не одного облачка не видно к востоку. Лехкая холодная роса лежит на свежей еще молодой траве и вот на крестах на-

шого собора показываются первые лучи солнца и, опускаясь ниже и ниже, падают на землю. Как везде тихо и спокойно, только в некоторых местах раздаются удары топора плотника. О, как очаровательно утро в это время весны! А каков вечер! Вечерня в соборе окончилась, бьет 6 часов. Тягинька выходит в лавку, отправляюсь домой. Самовар кипит и дожидается только одного меня, они уже отпили. Сажусь, разливаю и как немец флегматически наслаждаюсь, не торопясь выпивая чашку за чашкою. Лучи солнца, опускаясь ниже и ниже золотым отблеском освещают восточную сторону неба, и, отражаясь на землю, делают вид невыразимый. Воздух становится свежее а распускающиеся почьки растений окружают запахом весны. Прекрасна природа для того у ково спокойно на душе и на сердце. Сколько впечатлений мечтательных, упоительных производит она. Все об чем мы не думаем под влиянием этих часов очаровательных никогда почти не забываются, да и кто поймет того человека которого природа одарила этими чувствами. Все что теперь не делаем одна только личина жизни светской, основанной на расчетах и приличиях. Редко скажешь то что думаешь, а большая часть слов сказанных есть не что иное, как ходячая монета пущенная в обращение. Может понимать меня один только человек, но по этим же причинам расчетов и приличий и от него я должен скрывать и мысли и записки сии.

15го марта 12^и час вечера.

Нет, я не могу передать всего того, что чувствую. Мысли мои разтеряны, понятия убиты, редко бываю я в положении подобном нынешнему, теперь вижу, понимаю, никуда я не годен, не способен, ненавижу и досажаю на самого себя. Сейчас только пришел от Серебренникова. У них были оба брата Толоконниковы, одни. Я вошел и разкланялся порядочно, сели играть в преферанс. Почему не одарила меня природа как людей протчих ловкостию и обращением? Почему неумевши так вести себя я понимаю каждое свое движение, каждую неловкость? Играли четверо: Алексей Алексеич, Никол<ай> Алек<сеевич>, Федор Иваныч и я. Слюдьми обращения неделикатно-ва, я играю кажутся порядочно. Но тут еще не успел взять карты в руки, как все понятия мои разлетелись. Я играл машинально. Отчего это? И как скверно и смешно здавал я и даже во всю пульку не мог приглядеться когда следует тасовать и сдавать карты (играли в 2 колоды). Все это я понимаю и чувствую. Нет, я не могу быть в обществах людей образованных, и в дополнение весь вечер ужасным образом болела голова моя. И со всем этим я еще хочу быть мужем той, которая находится в этом самом семействе в котором я невольно должен разыгрывать фигуру смешного человека. Она не выходила, а потому я и не видал ее. Всего более мне было совестно перед Алекс<еем> Алексеичем. Я видел его едва заметную улыбку и, понимая что она значит, страдал невыразимо.

Нет, не могу писать более, голова болит, словно что-нибудь тяжелое гнетет и тянет затылок, глаза едва смотрят. О как я ужасно расстроен!

2ое марта 6^и час вечера.

Когда последние лучи солнца, догорая на необъятном пространстве небес, вдруг исчезают, и постепенно ясный и светлый день превращается в мрачную и темную ночь; так же и во мне: еще жизненные силы не совсем истощились, но я уже чувствую, что последние лучи жизни слабо согревают ослабевшую и истощенную грудь. Может быть, уже не много остается моего короткого жизненного дня, и скоро наступит моя темная ужасная ночь. О, в этой страшной темноте уже никто не будет смотреть на мое истощенное худое и бледное лицо. Скоро, скоро проходишь ты светлый веселый мой день. Еще я не успел хорошенько взглянуться во все твои красоты, не успел насмотреться на величественный Божий мир. Чувствую, уже начинают один за другим холодеть все члены мои, еще несколько усиленных вздохов поднимают грудь мою, глаза застилает густой тяжелой туман и вот чрез все поры тела уже начинают выпаряться и останные соки жизни моей.

Последния лучи догорают, чуть-чуть светят. Исчезли, кончились, день мой прошел, простите все, страшно.

2ое число. Среда Страстной недели Великого поста. 12^и час утра.

С понедельника этой недели я почувствовал, под правым глазом блиско к носу небольшую боль. На другой день по утра оказалась лехкая и затверделая опухоль. Эта болезнь хотя прежняя и знакомая, но, случившись к такому времени, сделалась для меня очень неприятною; потому что теперь хорошие торги и еще я начал говеть. Пришедши от заутрени, ушел в лавку, торг был порядочный. Большой боли я не чувствовал, но к вечеру опухоль начала припухать приметно больше и больше. Я послал за Взоровым. Назад тому 2 часа он был у нас и заверил, что опасного в этой болезни ничего нет. Первое слово, сказанное им маменьке, было:

— Скажите почему вы его не жените?

Она отвечала, что мы со своей стороны препятствия не имеем ни какого, но в етом есть его собственная воля.

— Помилуйте, да что я за жених? — сказал я.

— А почему вы не можете назваться женихом? В вас опасного ничего нет, главное обо всякой болезни очень вного думаете, преувеличиваете и бываете нездоровы одним только воображением.

— Да и рад не думать бы, да думается невольню, очень болит левый бок, так что даже тяжело бывает дышать и поетому опасуюсь чахотки, Афонасий Радивонович.

— О, какие пустяки! Ты вить не кашляешь?

— Нисколько.

— Ну дак как же еще уверять тебя! Ежели бы была и самая лехкая чахотка, то без кашлю обойтись никак невозможно. У вас грудь хотя и впалая, но здоровая.

— Я в груди боли никакой решительно не чувствую, но под грудью особенно в левом боку, что-то сильно подкатывается и от этаго я слабну и имею трудное дыхание.

— Ничего, я пропишу на бок пластырь. Вы его будете носить и, повторяю, что опасного ни чего нет, и ты должен непременно жениться.

Так кончилась етот разговор и Взоров уехал. Теперь я сижу перед конторкой и пишу ети записки в следующем положении. Всю правую щеку, глаз и половину рта закрывает подушечька, набитая рамашкой. Эта подушечька придерживается платком, который проходя под подбородком завязан на самой голове; но так как опухоль не на щеке а почти у самого носа и етот платок не может плотно прижимать рамашную подушку, то на вспоможение ему еще другой закрывая весь правый глаз и ето же ухо, диагональною линиею огибает голову и завязан на затылке. По сему теперь у меня и остается в действии один левый глаз. И для произведения полного еффекта не достает только одного служившаго мне прежде больничьнаго колпака. Но шутки в сторону. Почему Взоров так усердно советует мне жениться и об етом всегда говорит маменьке? Или етим хочет доказать, что я не имею опасных болезней? Но, право, я теперь даже весел, ежели нет ничего опаснаго по чему же не жениться. Может быть мои мечты и осуществляться. Но глядя на мое худое и бледное лице согласны ли будут вытти за меня. Ежели я буду свататься никогда не употреблю во зло своего положения. Решительно скажу той девушке, которой судьба предназначит быть моею женою, скажу все что я чувствую. Ежели она будет согласна, тогда ей нечем будет упрекнуть меня, а ежели ето услыша не захочет вытти за меня, то лутче остаться навсегда одиноким. Как перемешаны у меня все понятия, а пишу скоро, мысли бегло вертяться в голове так что даже перо не успевает передавать их. Кажется я и сам не знаю что пишу. Ежели ети строки попались в руки девушки воспитанной и образованной что бы она сказала бы: как страшно быть женою такого человека, ето просто записки сумасшедшаго.

Во время нашей ярмарки Иван Михайлыч Потапов сватал за меня свою свояченицу Г. Кольчугину. За ней по его словам около 10 тысяч деньгами, хорошее приданое. В дополнение к етому она девушка умная и образованная. Иван Михайлыч женился назад тому 3 года. Я видел жену его в театре, мы в одном ряду занимали ложи, и во время антрактов в фойе, я мог довольно хорошо рассмотреть ее. Она не может называться красавицей, но положение лица ея чрезвычайно доброе. Глаза томные, меланхолические; кроме этаго в ней нет ничего поразительнаго. По словам Потапова теперешняя его свояченица вного походит на жену его. Особенно, он говорит, что она имеет самое доброе сердце. Ежели в етом отношении она походит на сестру свою, то ето драгоценная невеста. Как теперь помню как Иван Михайлыч в про-

шлогодную ярмарку показывал мне письма жены своей. В этих письмах все доброе, прекрасное сердце ее было наруже, и как она увлекательно описывала к нему любовь свою. Ежели бы и мне была предназначена жизнь подобная в семейном отношении Ивану Михайлычу, ежели бы его свояченица вполне во всем походила на сестру свою – то есть драгоценная невеста. Я говорил что хотя и есть твое намерение, Иван Михайлыч, видеть меня мужем Вашей свояченицы, но я думаю, что она не пойдет за меня.

– По какой же причине? – спросил он.

– Посмотрите на лице мое и скажите, похож ли я на жениха.

– Да что же такое заключается в лице твоём? Положим ты худ, но это ничего. Я заверяю, она будет согласна выйти за тебя. Ежели хочешь, то когда будешь в Москве, можешь видеть ее.

Я ему дал слово и он уехал. Думал ли я, что таких невест могут сватать за меня? Ежели Богу неужгодно будет что бы Александра Алексеевна была подругою жизни моей, то может быть в этом союзе не будет ли заключаться счастье мое. В наступающий праздник святых Пасхи решительно спрошу своего друга согласна ли будет сестра его выйти за меня или нет. Ежели судьба будет благосклонна и мечты мои осуществляться, тогда я с гордостью могу сказать, что Потапов сватал за меня свою свояченицу, но я не изменил своему сердцу. Но ежели друг мой скажет мне что сестра его не может выйти за меня, то может быть в союзе с Кольчугиной счастье и улыбнется мне. Но неужели так будет жестока участь моя, что и она не захочет выйти за меня. Как бы я желал жизни тихой и спокойной, как бы желал найти в жене истинного друга, с которым бы мог делить и радости и горе! Неужели эти мечты мои только и останутся мечтами, или не сойдут ли они скоро в темную могилу?

23^е число четверг Страстной недели. Пост. 10^и час утра.

Нынешний день сподобил Господь меня и сестру Аннушку приобщиться Божественных Святых и животворящих Таин Своих. За заутреню мы отправились в 5^и часов, а приехали домой в 9^и. Эти 4 часа я с трудом мог выстоять. Вместе с нами приобщалось все семейство Карачуновских²². Погода переменилась, и снег начал таять очень приметно.

25^е число. Суббота Страстной недели. День Благовещенья Господня. 8^и час вечера.

Какой прекрасный день, с самого утра и до вечера ярко светило солнце и нагревая воздух делало его теплым и свежим. Поутру был мороз около 7 градусов. Зимняя дорога начала рушиться. Торг был тихой, но мы торговали хорошо, больше картузами. Вчерашний день продано было около 25 картузов и выручено <пропуск в тексте> рублей, а нынче около 40 картузов и выручено <пропуск в тексте> рублей. Через 4 часа наступит праздник Благоговейный и Торжественный. Праздник отдыха и веселостей. Чем-то он меня порадует, неужели и опять я не увижу Александру Алексеевну?

26^е число марта 1844го года 1^й День Святыя Пасхи. 11^й час по полудни.
Христос Воскресе!

Христос Воскресе! Сколько эти два слова заключают чувств для Христианина. В смысле духовном мы празднуем после трудов, скорбей и крестной смерти, предпринятой для ради нас грешных Спасителем нашим, Преславное Его Воскресение; в смысле вещественном, с наступлением этаго праздника ясным веселым взором приветствуем мы начало весны, и после тяжелого хлопотливого поста отдыхаем, проводя время с родными и знакомыми. О, как драгоценен этот праздник увлекательный! Бывало, в лета детства, считались каждые часы, когда он приближается. Всякой человек даже на последния деньги приготавливает новое платье чтобы встретить его радостно. День был неясный, сумрачный. У заутрени я был еще первый раз в нашем соборе, у обедни — в своем приходе²³. Она кончилась рано, еще в 9^м часу. Как торжественна та минута, когда, пришедши домой, со всем семейством сядешь вокруг чайного стола и вот принесут Пасху. Разрушили. С каким удовольствием ее употребляешь! Етим делаем первый радостный привет торжественному празднику. Потом поставили самовар и сливки и после 7 недельнаго тяжелого поста с какою охотою выпиваешь первую чашку чаю со сливками. Да, подобные минуты бывают только один раз во всем году. Отобедали, а время еще только 11^й час. Что-то скучно, лягу спать.

2^й день Пасхи. 6^й час вечера.

Нынешний день были у нас — Николай Алексеич и Иван Алексеич Серебренниковы и еще брат и сестра Сальниковы²⁴, Александра Александровна Гусева²⁵ и тетенька Надежда Ивановна Земскова²⁶. Время провели, кажется, весело, две пульки сыграли в преферанс. Заметно отделка комнат Николаю Алексеичу нравится. Они сидели довольно долго, и ушли почти только сей час. Завтра они, может быть, будут звать меня к себе.

3^й день Пасхи 11^й час полдня.

После обедни Николай Алексеич нарочно приходил ко мне, в это время подошел и брат Николай Андреич²⁷, и его тоже просил приходиться вместе со мною. Он дал слово. Как досадно, в нынешнюю Пасху я безпременно надеялся видеть Александру Алексеевну, но видно и теперь эта надежда обманет меня. Вероятно, при Николае Андреиче она не выдет. Как обманывает меня время; когда думаешь наврное видеть ее, но словно на зло какие-нибудь препятствия вдруг противопоставит Судьба.

9^й час вечера.

Я ее видел! Незабвенный и вместе несчастный в моей жизни день. Я ее видел! О, сколько теперь чувств скопилось в груди моей! Я уже не могу разлюбить ее, но она, она кажется не любит меня. Несчастный, плач, плач. Но нет, слезы не облегчат твоей грусти. Она права, как можно полюбить меня такого наружностию. Но для чего природа, одаривши теперешними понятиями, дала мне такое сердце? О, Боже мой! Что теперь

осталось мне делать? Спрашивать или нет брата ея? Я уже предвижу свой роковой ответ. Но что угодно будет Богу. Решусь испытать судьбу свою в последний раз. Вот как я ее видел. К ним приехали Толоконниковы Федор Иванович с женою и свояченицею и Николай Иваныч, а потому она и вышла, подвязанная белым платком, у ней болели зубы. Она взошла и наивно холодно поклонилась мне. Потом я почти не видал ее, и когда стали прощаться я сказал, взглянув на нею в последний раз: «Прощайте Александра Алексеевна». «Прощайте», — был ответ ея. И это слово еще и теперь отголосками унылыми и печальными раздается в ушах моих.

Жизнь, жизнь как мало даешь ты мне дней радостных, счастливых. Дни детства моего, они миновались навсегда. О! Время драгоценное и беззаботное! Ты уже не возвратишься, еще я не успел хорошенько всмотреться в положении света сего, и уже печали начали сушить сердце мое.

5^й день Пасхи 9^й час вечера.

Хорошо провести время с людьми умными и образованными, но с дураками и невежами не приведи Бог. Сейчас только пришел я от Шетневых. Гостей было у них довольно, молодых не было, так же и Настасьи Алексеевны, она нездорова. В этом доме Шетневых Иван Васильевич разыгрывает роль не только смешную, но даже подлую. Ежели человеку, понимающему приличия света быть у них в присутствии женщин просто нестерпимо. Этот Шетнев такие отпускает полновесные лаконические слова и так часто, что при женщинах быть у них решительно совестно. Он думает, что этим обращением разыгрывает роль остроумного и веселаго человека. Как жалки эти люди! А подумаешь, жизнь их с такими понятиями течет очень весело и они счастливы сами в себе. Видно чем умнее человек, тем более печалей он будет чувствовать в жизни своей.

1^е число апреля. Последний день Пасхи. 9^й час вечера.

Вот прошла и Пасха, вместо ожидаемого мною времени веселаго, она наделила меня мыслями самыми грустными, расстроеными. Об чем я каждый день думал, оно исполнилось. Я увидел ее, но сколько горестей принесло мне это свидание.

Кажется, она поняла мои мысли, поняла мои к себе отношения и своим обращением дала мне знать, что не может быть тем, чего я желал бы. Хоть бы один раз она взглянула на меня! Но нет, я только услышал одно слово ея, и это слово было — прощайте. Всякой кто знает меня, почти завидует жизни моей. Но как часто обманывается человек, судя поверхностно. Оно и точно, почему мне не быть счастливу. Все меня окружающее — свободной образ жизни, тихое семейство, хороший дом, прекрасная торговля, хотя небольшая, но известность в торговом свете и, наконец, сватовство такой невесте, которая меня лутче — все это заключает в себе счастье. Чего бы казаться желать? Да точно, я счастлив по наружности, но ежели бы кто заглянул в сердце? О! Да, это чувство кто может понять. Только одна отдаленная надежда на будущее, словно слабый луч, едва заметный сквозь тучи, заставляет думать, что, может быть, счастье

когда-нибудь и улыбнется мне. Пасха, почти вся выстояла холодно, морозы по утрам были около 10 градусов; большая часть народу ходили в шубах. Зимняя дорога еще не кончилась, и мужики продолжают ездить в санях.

1844 год апрель 2^е число 10^е час утро.

Сейчас я говорил со своим другом. Он мечтал о своих предположениях в будущем, о надеждах взять за себя Мокееву²⁸ и, наконец, о тихой жизни в своем родном семейном быту. Я говорил о том же, но только в очерках неясных и неопределенных. Мне откровенно говорить с ним нельзя было, потому что теперь я должен скрывать от него настоящие мысли свои. Но этот разговор был живой и откровенный и я проговорился что сватали за меня Кольчугину. Он отвечал, что девушке, привыкшей жить в Москве, будет трудно жить в нашем городе. Я согласился и сказал, что об этом союзе почти вовсе и не думаю. И вот чем далее тянулься разговор, тем он становился откровеннее. В такие минуты как мне бывает трудно говорить с ним, я принужден прикрывать мысли свои такими словами которые бывают очень далеки от сердца. Наконец он сказал, что для меня и для него все кончилось, нам обоим ждать более уже нечего. Ежели пройдет и еще 5 лет, то и тогда все будет в одном положении, как и нынче и поэтому ежели жениться, то лутче жениться теперь. «Ето правда», — сказал я и невольно прибавил — «Вот что угодно будет Богу, может быть через 2 месяца». Еще не успел я досказать етих слов, как вдруг понял, что высказал довольно вного. Он спросил: «Что же будет через 2 месяца?» Но уже я тогда не мог отвечать ему и сказывши прощай, пошел домой. Вслед за мною он два раза повторил мое имя, но я не воротился и ушел. Что теперь мне делать, как поправить ету невольную ошибку откровеннаго разговора? Открыть ему обо всем? К теперешнему случаю ето будет удобно. Но он подумает, что я нарочно подвел етот разговор так, чтобы посредством етаго загадочнаго обращения лутче привлечь его на мою сторону. Как я не постоянен, несносен! Об чем только не задумаю, никогда не кончу ето дело так, как думал кончить его. Зачем было проговориться ему о том, что Потапов сватал за меня Кольчугину, и еще вперед намекнуть, что думаю сделать через 2 месяца. Разумеется, что он, услышав такие слова, будет спрашивать, чего я ожидаю. Но что же я скажу ему? Нельзя ли из етаго сделать какую-нибудь шутку? Но его не скоро уверишь, он видел, что я был в сильном чувстве, когда оставил его. Дай Бог, что бы он подумал, что ето была шутка. Но, ежели не поверит, как сказать ему? Ета приближающаяся минута моей участи сильно беспокоит меня. На словах ли пересказать, или отдать мои Записки? Нет, лутче на словах объясню ему. Ежели его ответ будет заключать в себе счастье, тогда покажу ему мои Записки, а ежели, напротив, надежда оставит меня, то зачем ему знать их, разве только для того чтобы пожалеть обо мне. Нет, лутче тогда не казать ему, пускай я один допью ету горькую чашу, и в своей груди с терпением погребу все чувства свои. Ведь люди тогда не помогут же мне.

Тот же день 10^й час вечера.

Я или уже слишком расстроен, или просто сам не понимаю того, что делаю. Чудное дело, вместо того, чтобы увидавши меня спросить, почему я ушел не досказавши того об чем начал, он, Друг мой, об этом и не завел ни одного слова, будто этаго разговора у нас и не бывало, а спросил: как жаль что не воспользовался моим приглашением и не пошел ко мне.

Право, должно быть я или очень расстроен, или уже все мои мысли слишком напряжены к одному предмету, так что всякое пустое слово я принимаю за вногзначущее. Уже спустя с часа два он спросил меня об чем я хотел сказать ему, повторив через 2 месяца. «Эта шутка», — сказал я. «Только?» — отвечал он, — «я думал через это время ты думаешь ехать в Москву». «Да я поеду около 20го числа маия месяца». Так кончился етот разговор столько меня заинтересовавший, а от его последствий только осталось для меня то, что я сделался невольнo против друга невежей и дураком. Пригласивши его к себе, вдруг ушел, не просивши так как следует. Да против него я его сделал очень невежливо.

10^е число апреля 7^я час вечера.

Наконец я превозмог сам себя и нынче с большим трудом объяснил своему другу все об чем думаю касательно сестры его. Вот минута, так давно ожидаемая, теперь наступила. Через день, вного через 3^ю, я узнаю, какая участь ожидает меня. Разговор зашел, как бывало и прежде, дружеской и откровенной. Как сильно билось у меня сердце, когда я хотел спросить его. Но я преодолел самого себя и высказал эти слова:

— Послушай, я хочу спросить тебя, только опасуюсь, что бы слова мои не показались тебе обидными.

— Что такое? — сказал он.

— Вот что — Молчание — Ежели бы я стал свататься к сестре твоей, скажи согласна ли бы она была выдти за меня?

— Ну не знаю, Николай Федорович, с своей стороны я рад душевно, но за нее ничего не могу сказать тебе, по моему мнению лутче тебя нам не чево еще желать для сестры своей, но не знаю, она кажется вряд ли будет согласна, на счет этаго у меня ни с ней, ни со старшими, говорю тебе откровенно, не было никакого разговору.

— Но я теперь должен знать, могу ли надеяться или нет, пускай етот разговор останется меж нами, прошу тебя, переговоры с ней.

— Пожалуй, но повторяю, что кажется она согласна не будет. Она привыкла жить тихо и покойно, и эта жизнь ей так нравиться, что она думает прожить весь век в теперишном положении. Но, впротчем, с своей стороны я рад душевно, все что могу сделать для тебя и безпрременно переговорю. Только я не могу подать виду, что ты думаешь взять ее, а спрошу в таком смысле: ежели бы ты вздумал к ней свататься, то будет ли она согласна вытти за тебя или нет, так же переговорю и со старшими.

Я больше молчал, нежели говорил. Даже не благодарил друга за его редкое и истинное ко мне расположение. Чувства мои были так убиты,

что я даже хорошенько не помню об чем мы говорили, а говорили очень долго. Что я услышу? Да, или нет, вот два слова, в которых заключается и моя надежда, и мое отчаянье.

Еще из его разговоров я заметил, что Алексей Алексеич и Арина Митриевна, говорят про меня очень редко в семействе своем, а когда говорят, то всегда хвалят, но только почитают больным. Об нашем же семействе в домашнем отношении думают, что и теперь мы живем так же, как жили прежде и равняют наше семейство с Шетневым и подобным ему. Опять я не мог воздержаться себя, почти невольно сказал другу, что начал вести дневник и записывать разныя впечатления и мысли, случающиеся в жизни своей. Я говорил, что он вногово не знает из мыслей моих, но на словах я не могу пересказать ему. Природа меня не одарила способностями рассказывать, и я с декабря месяца прошедшего года, начал вести свой Дневник и теперь эти Записки составляют все утешение, всю отраду в жизни моей. Ежели хочешь, я принесу тебе хоть одну тетрадь их.

Но что же? Чудное дело, на это мой друг ничего не сказал мне и даже не показал и малейшаго знака любопытства прочитать их. Неужели ему пришло в голову, что может быть я нарочно писал для того чтобы показать ему и заставить прочитать их сестре своей? И должно быть поетому он никакого не подал мне виду. Или он почитает их пустыми? Не понимаю.

Только теперь узнал я, какое принимает во мне участие Друг мой и как истинно он расположен ко мне. А я осмеливалась думать, что против прежняго мысли его, во вногом переменялись ко мне. Да, я виноват перед ним. И ежели тебе когда-нибудь, любезный Друг, приведется читать строки сии, то прошу великодушно: прости меня за те выражения, которые в первых тетрадях этих Записок я написал против тебя. Не знаю, чем могу отблагодарить тебя, но ежели Бог продлит дни жизни моей, то может быть, когда-нибудь я отслужу тебе²⁹.

ОР РНБ. Ф. 775. Собрание А.А. Тутова. Тут. 4273³⁰

**

¹ Николай Алексеевич Серебренников сын ростовского купца Алексея Алексеевича Серебренникова. Согласно Городской Обывательской книге за 1847 г. его отец «ростовский 3-й гильдии купец Алексей Алексеев Серебренников, старожил, от роду себе имеет 56 лет. Женат на мещанской дочери Ирине Дмитриевой, ей от роду 56 лет. Имеет детей: 1. Сына Николая 28 лет, его жена Марья Дмитриева 21 году, у них дети: сын Николай 7 недель и дочери: Марья 3 лет, Ольга 1 г. 2. Сына Ивана 22 лет и дочь девицу Александру 24 лет. Имеет в городе Ростове недвижимое имение деревянный дом с разным надворным строением, выстроенной им на земле, купленной с аукционного торга в Ярославском губернском правлении, состоящий в Покровском приходе по Московской улице. Живет в городе постоянно. Промысел производит торговый по купеческому званию. В городской службе был в разных должностях и ныне в городском магистрате бургомистром». См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 62 об. Точнее определить местоположение дома, где проживали семья Серебренниковых позволяет Подворная книга Ростова 2 квартала за 1842 г.: «В Московской улице от Кремля по левой стороне. Дом деревянный одноэтажный с надвор-

ным строением и землею, число жилых покоев – 5. Купца Алексея Алексеява Серебренникова...» См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 12 об. – 13.

А.А. Серебренников торговал в Ростове в двух лавках: «в первой галантерейным, а в другой шорным товаром, ... товару на 10000 руб. обороту в год 8000 руб. сер.» См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2482. Л. 2, 6.

² Иван Алексеевич Серебренников – младший брат Николая Алексеевича. См. сноску 1.

³ Валы – оборонительное сооружение, возведенное в Ростове по царскому указу в 1632 г. В 1830-х – 40-х гг. валы служили местом для прогулок горожан, наряду с устроенным в 1836 г. Городским садом. Эта традиция сохранялась на протяжении всего XIX в.: «Кремль окружен валами, по которым можно гулять и местами поставлены скамейки». См.: Ростов, Ярославской губернии. Очерк. Общее впечатление Ростова. Издание Д.И. Хмельницкаго, выпуск второй. Ростов, Типография И.П. Побединскаго. 1891. С. 3.

⁴ Дезидерьев Евгений Гаврилович – врач, надворный советник.

⁵ Афанасий Родионович Взоров (ок. 1795 – 1844). Ростовский медик, коллежский асессор. Прихожанин Ростовской Покровской церкви. Скончался от чахотки в возрасте 49 лет и погребен на кладбище Спасо-Яковлевского монастыря. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 84. Л. 248 об. – 249.

⁶ Н.Ф. Земской пережил Африкана Мальгина, который скончался в 1863 г. в возрасте 48 лет и был погребен на кладбище Троице-Варницкого монастыря. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 79. Л. 172 об. – 173.

Мальгин Африкан Михайлович (1811 – 1863) ростовский 2-й гильдии купец. Сын Михаила Федоровича Мальгина, владельца кожевенного завода, на котором делалась черная и белая юфть, а так же опайковые кожи. См.: Сазонова Е.И. Ростовские купцы Мальгины в XVII – XVIII вв. // СРМ VIII, Ярославль, 1995. С. 58-63. С. 61.

А.Ф. Мальгин, согласно Городской обывательской книге «записан в купцы из купеческих детей онаго города... Женат на ростовской купеческой дочери Екатерине Андреевне Мальгиной вторым браком ей от роду 25 лет. Имеет детей от первого брака сына Александра 5 лет, второго брака двух дочерей Александру 4 и Екатерину 2 лет. Имеет в Ростове пустопорожную землю по Рождественской и Всесвятской улицам им купленную. Жена же его Екатерина Андреевна Мальгина находится участницей в наследстве имения и капитала, оставшегося после умерших ростовских купцов отца ея Андрея Григорьевича Мальгина и деда Андрея Абрамовича Титова. Жительство имеет в г. Ростове постоянно. Промысла никакого не имеет, в городской службе не бывал». См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 35 об.

⁷ Шетневые, вариант написания фамилии – Шетневы-Семеновские. Ростовские купцы 3-й гильдии. Судя по публикуемым «Запискам...», метрическим книгам и исповедным росписям приходских церквей, семьи Земсковых, Шетневых и Храниловых связывала тесная дружба. Позднее Шетневых и Храниловых объединили и родственные узы. Не принадлежа к родовитым ростовским купеческим семьям, таким как Кекины, Хлебниковы, Мальгины, Серебренниковы, они, тем не менее, очень быстро сумели составить значительные состояния. Кроме того, именно из этой среды вышли представители, сыгравшие заметную роль в общественной и художественной жизни города XIX в. Это и автор «Записок» Н.Ф. Земсков; и автор книги «Ростовский уезд и город Ростов Ярославский губернии» (Москва, 1859), ктитор церквей Ростовского кремля – И.И. Хранилов; И.И. Шетнев-Семеновский – художник-любитель, краевед, рисунки которого хранятся ныне в фонде рукописей Библиотеки Академии наук. См.: Подковырова В.Г. Собрание рисунков ростовского художника-краеведа Ивана Ивановича Шетнева в фондах рукописного отдела БАН // ИКРЗ 2003. Ростов, 2004. С. 232-240.

И.С. Аксаков писал: «В Ярославской губернии чем старше город, тем менее предприимчивости и деятельности в жителях. Например, Ростов: почти все богачи в нем — приписные из крестьян; зато проживая в Ростове они ведут торговлю с Хивой, Персией, Китаем, Сибирью и торгуют постоянно вне Ростова, где нет торговли и где без ярмарки проживающие на одном месте жители были бы совершенно бедны». См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. т. II 1848 — 1851. М., 1888. С. 330.

⁸ Настасья Алексеевна Хранилова (1825 — ?) жена (с 1842 г.) ростовского 3-й гильдии купца Василия Кузьмича Хранилова (1821 — ?). Дочь ростовского купца Алексея Гавриловича Малышева. Ее свекровь — Акулина Андреевна Хранилова — жена Кузьмы Васильевича Хранилова. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 666. Л. 38 об.

Родоначальник рода Храниловых — Василий Иванович Хранилов (ок. 1776 — 1844) крестьянин ростовской округи экономической Спас-Подгорской волости деревни Красного. 11 июля 1820 г. он со своей семьей — женой Прасковьей Васильевной и сыновьями Иваном и Кузьмою, объявив капитал восемь тысяч рублей, был записан в ростовское купечество в третью гильдию. См.: РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3953. Л. 6. Л. 9.

30 июля 1820 г. в возрасте 44 лет от чахотки скончалась его жена Прасковья Васильевна. См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 4729.

В 1821 г. Василий Иванович приобретает в Ростове дом в 29 квартале в приходе церкви св. Леонтия на Заровье, где и поселяется со своей семьей. 4 июля 1823 г., в возрасте 47 лет, В.И. Хранилов вновь женился на семнадцатилетней Анне Федотовой, крестьянке села Маркова Ростовского уезда, вольноотпущенной князя Ивана Юрьевича Урусова. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 666. Л. 8 об. Во втором браке родилось еще семеро детей. Из дела «О неправильном зачислении раздельно живущих братьев Храниловых в общий купеческий капитал» известно, что после смерти Василия Ивановича Хранилова, его сыновья «торговлю производили все общую на наследственный капитал... товарами бакалейными, панскими и содержали ренский погреб...» См.: РФ ГАЯО Ф. 1 Оп. 1. Д. 3176. Л. 9 об.

Старший сын — купец 3-й гильдии Иван Васильевич Хранилов жил «в кремле города, в наследственном доме», каменном 2-х этажном с лавками по лицу на 4-х сажнях, с детьми Дмитрием, Иваном, (будущий ктитор Кремлевских церквей — Т. К.); Александром; Александрой. См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 284. Л. 4 об. - 5.

Кузьма Васильевич Хранилов «с женою Акулиною Андреевою и детьми умершего сына своего Василия — Николаем и Алексеем, проживал в собственном деревянном 2-х этажном доме с каменным флигелем, состоящем на Спасской или 2-й Никольской улице. См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 284. Л. 85 об. — 86. А дети от второго брака — Яков, Николай, Петр, Константин, Николай, Любовь, Леонид и вдова Анна Федотова живут «на Заровской улице, в наследственном доме», каменном 2-х эт. с флигелем, надворным строением и землей. См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 86 об. — 87.

В Городской Обывательской книге сообщаются следующие сведения о семье Храниловых: «Ростовский купец Иван Васильев Хранилов вновь приписанный из казенных крестьян от роду себе имеет 50 лет. Вдов. Имеет детей: 1. Дмитрия 26 л. 2. Ивана 18 л. 3. Александра 12 л. У Дмитрия жена Людмила Николаева 25 л. Их дети: Леонтий 5 л., дочь Елизавета 1 году. Брат его Кузьма Васильев 48 л. Жена его Акилина Андреева 45 лет, у них сын Василий 26 л., жена его Настасья Алексеева 22 л., дети их Серафима — 4 л., Николай — 3 л., Алексей — 1 г. Яков Васильев — 22 л. жена его Устинья Иванова 21 г. дочери их Глафира — 2, Александра 1 году. 3. Николай 21 г., 4. Петр 19 л. 5. Константин 17 л. 6. Николай 13 л. 7. Леонид — 9 л. Сестра Любовь Васильева

11 л. и мачеха его вдова купчиха Анна Федорова — 41 г.

Имеет в г. Ростове недвижимое имение обще с братьями наследственное состояние в разных города Ростова местах, а именно: 1. В Леонтьевском что на Заровье приходе в 29 квартале вместо прежнего деревянного — каменный дом с таковым же флигелем, надворным строением и землею дошедшей к родителям их от неизвестного мещанина в 1821 г... 2. Второе имение — в Никольском, что на Сполье приходе, по Спасской улице, в 10 квартале... вместо прежнего деревянного каменный дом с деревянною постройкою, каменным флигелем и прочим надворным строением и землею. 1-й доставшийся от купца Тимофея Ксенова и жены его по купчей крепости 7 августа 1830 г. 2-й — титулярного советника Артемьева по купчей 3.12.1842. 3-й. — от мещанской вдовы Натальи Ксеновой по купчей 25.04.1844... третье от мещанской вдовы Марфы Кайдаловой в Кремле города дом с надворным строением по купчей 18.11.1836. Четвертое имение — пустопорожняя земля в 14 квартале по Успенской ул. по купчей 30.03.1842. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 68 — 69.

В Ростове Ивану Васильевичу Хранилову принадлежали два свечных завода «из них один сальный другой восковой. Основаны в 1830 году, мастеров 2, рабочих 4. Плата мастеру 1 р. 50 к., а рабочему 1 р. 20 к. в неделю. При заводах скамей 120 и 2 котла. Машин нет. Свеч сальных вырабатывается 600, а восковых 310 пуд. Ценность сальных свеч 6 руб. за пуд, восковых белаго воска 30 р., а желтаго 27 руб., сало топленое покупается в Ростове и его уезде, а так же на ростовской ярмарке по 4 р. 50 к., воск белый по 28 р., а желтый по 25 р., за пуд на Нижегородской ярмарке. Свечи продаются в Ростове и Ростовском уезде. Работы на стороне для завода не производятся». См.: Статистические сведения о фабриках и заводах в Ярославской губернии // ЯГВ. 1863. Ч. н. № 26. 27 июня. С. 175.

Восковой завод располагался «в каменном доме, состоящем в Ростове на собственной земле в Заровской улице». Здесь изготавливались «свечи церковные выкатанные руками белаго воска по 18 р. серебром за пуд; желтаго воска по 16 р. серебром за пуд». Свечи продавались в Ростове и в Ростовском уезде. См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 366. Л. 9 — 11.

⁹ «Карточная игра Короли — старинная русская игра, в которую играют обыкновенно вчетвером колодой в тридцать шесть карт. Так как в этой игре сдача карт играет немаловажную роль, то она решается старшинством выдернутых из колоды карт. Сдавши всем по девяти карт, сдатчик, вскрывши козыря, берет его себе на руки. Первый выход принадлежит тому, кто находится у сдающего под рукой, который обязательно должен выходить с козыря, но если такового нет, то с простой карты, на которую все играющие должны сносить по одной карте той масти, с которой вышел игрок, и тот, кто положит старшую карту, берет эту взятку и ходит вновь, и непременно с козыря. Затем следующие ходы могут быть с простых карт. Как только игроки спустят с рук свои девять карт первой сдачи, то немедленно начинают считать набранные каждым взятки, записывают их количество мелом и затем приступают ко второй сдаче. Вновь сделанные взятки приписываются к прежним, и игра продолжается до тех пор, покуда у кого-нибудь из играющих не образуется в записи десяти взяток. Взявший десять взяток остающиеся у него карты кладет в сторону и объявляет, что он король. Ставший королем всю игру прекращает. Продолжают игру только трое остальных, и кто из них ранее возьмет девять взяток, тот становится принцем*. Затем ведут игру двое, и который из них соберет восемь взяток становится солдатом, а последний — крестьянином или мужиком. Лишь только каждый игрок получит какое-нибудь название, как вся игра принимает вдруг новый вид и отношение. С того момента сдача карт принадлежит мужику, до тех пор, покуда он не выиграет какое-нибудь другое название. Мужик, стасовав

колоду карт, дает ее снять солдату, карты в таком случае сдаются сначала королю, потом принцу, за ним солдату и потом мужику. По сдаче карт король берет у мужика самого старшего козыря, отдавая ему взамен козыря какую-нибудь другую карту. Потом принц берет у мужика другой козырь и вместо него дает мужику другую, какую ему вздумается карту. Покончив все таким образом, как нами сказано, игроки начинают снова играть, с тою только разницею, что все выходы принадлежат королю, несмотря на то, ему ли достанется взятка или кому-нибудь другому. После короля сносит карту принц, за ним солдат, а потом мужик, причем каждый из них старается набрать девять взяток. Кто скорее наберет девять взяток, тот становится королем. Таким образом, может случиться, что король станет принцем, мужик королем, солдат принцем, а принц солдатом. Если случится, что у мужика не будет козырей, тогда король и принц могут брать по своему усмотрению другие карты, давая ему взамен их, какие им вздумается. Когда король выйдет, то место его заступает принц и пользуется первыми выходами. При выходе короля карты сдают сначала принцу, потом солдату, а затем мужику. Когда принц займет место короля, тогда необходимо первые два раза козырять. По выходе короля мужик не дает уже никому козырей и пользуется вскрывшимся козырем, которого он подменяет какой ему заблагорассудится картою». <http://www.card-game.ru>

¹⁰ Хранилов Яков Васильевич (1822 – 1855) – сын Василия Ивановича и Анны Федотовны Храниловых. См. сноску 8 и 19.

¹¹ Отец и сын Василий Алексеевич (ок. 1795 – 1856) и Иван Васильевич (1817 – 1877) Шетневы (Семеновские) – ростовские купцы 3-й гильдии. Василий Алексеевич родился в семе посадского Алексея Григорьевича Семеновского. В 1799 г. 24-летний Алексей Григорьевич и его два сына – пятилетний Федор и четырехлетний Василий значатся среди посадских города Ростова. См.: РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3220. Л. 164.

31 января 1815 г. Василий Алексеевич женился на дочери ростовского посадского Николая Семеновича Коромыслова – Елизавете Николаевне. Поручителями на свадьбе были посадские Яков Федоров Рыкунин, Иван Максимов Вахромеев, Федор Михайлов Земсков (отец автора «Записок...» – ТК), экономический крестьянин Иван Титов. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 31. Л. 149.

В 1825 г. Василий Алексеевич «по приобретенному капиталу 8000 р.» был записан в третью гильдию ростовского купечества. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1212. 1825 г. Л. 34.

В 1839 г. старший сын Василия Алексеевича – Иван Васильевич женился на Александре Ивановне Храниловой. См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 12961. Л. 2.

С 1843 г. в исповедных росписях Крестовоздвиженской церкви Василей Алексеевич пишется уже не как Шетнев, а как его отец – Семеновский. Здесь сообщаются следующие сведения о семье Шетневых-Семеновских: «Купец Василей Алексеев Семеновский – 50; жена Его Елисавета Николаева – 48; дети их: Иван – 25; Алексей – 20; Александра – 10; Константин – 8. Иванова жена Александра Иванова – 22. Сын их Николай ниже году. Сестра Васильева девица Екатерина Алексеева – 46». См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 14691. Л. 2.

Василий Алексеевич Шетнев-Семеновский имел лавку в железном ряду для торговли железным товаром. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2119. Л. 34 об.

В 1843 г. на средства Василия Алексеевича ростовский живописец Евгений Александров Строгонов расписал Крестовоздвиженскую церковь: «... в алтаре на своде, Духа святого с херувимом ... в церкви на потолке 3 клейма: в 1-м от алтаря «Не прикасайся ко мне не убо вздыхо ко отцу моему».

2. Семь чинов ангельских и вверху онаго написать Отечество. 3. Жен мироносиц. И все оные вышеозначенные клейма написать самыми лучшими красками. Кругом оных клейм... сделать лучшую гипсовую уборку. На стенах церкви написать по принадлежности колонные столбы, сколько будет потребно и оставшиеся на стенах промежду столбов порожние места... и стены в алтаре покрыть все лучшим французско-зеленым кроном или голубцом, первого сорта, чем он Семеновский рассудит...». См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2269. Л. 28 об.

¹² Дмитрий Иванович Хранилов (1820 – ?) старший сын Ивана Васильевича Хранилова. Брат Ивана Ивановича Хранилова – ктитора церковью Ростовского кремля. Был женат с 1840 г. на дочери ростовского купца 3-й гильдии, владельца цикорного и маслогонного завода Николая Ивановича Лосева – Людмиле Николаевне. Поручителем на свадьбе со стороны жениха был ростовский купеческий сын Иван Васильев Семеновский и ростовский купецкий сын Яков Хранилов. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 666. Л. 31 об.

¹³ Людмила Николаевна – жена Дмитрия Ивановича Хранилова.

¹⁴ Шашельница – доска для игры в шашки. Выражаю благодарность Е.В. Брюхановой за помощь в определении этого предмета.

¹⁵ «Число партнеров в означенную игру неограниченно, поэтому при большом количестве играющих следует употреблять полную колоду в 52 листа, которая кладется открытая двойка или шестерка. Затем все партнеры по очереди снимают с колоды по одной карте и кладут их каждый перед собой, эта карта изображает магазин каждого игрока: шестерка же или двойка, лежащая на середине стола, изображает свинью, на которую кладутся карты в восходящем порядке. На карты, изображающие магазины, кладутся карты в нисходящем порядке, не разбирая мастей. Так как тузы никуда не идут, то на них кладут королей. Если туз лежит на магазине, то его нельзя снять даже на свинью. Свинья оканчивается королем и откладывается в сторону. Следующая свинья начинается с первой показавшейся из талона двойки или шестерки. Выигрыш кона принадлежит тому, кто успеет спустить все карты, за исключением тузов, причем правило игры требует, чтобы на магазины карты спускать только двум своим соседям, правому и левому. Карта, идущая по порядку на карту свиньи, уже не может идти на магазин партнера и должна быть положена на свинью». <http://www.cardgames.net.ru/svinia>.

¹⁶ Рахманов Петр Семенович ростовский 3-й гильдии купец. В Городской обывательской книге о нем сообщается: «Происходит из старожил. В купцы записан из мещан в 1840 г. от роду имеет 48 лет. Женат на мещанской дочери Марье Григорьевой коей от роду 43 г. Имеет детей сыновей Николая 22, Павла – 19, Сергея – 12, Ивана – 7 лет, дочерей Александру – 5, Любовь – 2 и сестру девицу Екатерину 40 лет.

Имеет в городе Ростове по Заровской улице деревянный дом со строением им построенные и землю под оным доставшуюся ему от отца. Помысла купеческого, производит торговлю москательным товаром. В Городской службе был депутатом торговли в 1835 г., купецким выборным в 1844 г.» См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 54 об.

¹⁷ В октябре 1822 г. ростовский полицмейстер Симановский сообщал Ярославскому губернатору А.М. Безобразову, что «живущие в городе гг. дворяне и воинские чиновники в настоящее время желают открыть для вечеров благородное собрание, на что испрашивают Вашего Превосходительства соизволения...» См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1466. Л. 1.

При рапорте прилагались правила, на которых благородное собрание должно основываться:

«1. Собрание имеет открываться с 26-го числа сего месяца и будет оно продолжаться до наступления Великого поста, каждую неделю по воскресеньям об-

щее кавалеров и дам, а по четвергам одно мужское, род аглицкаго клуба.
2. Приезд в собрание назначается по полудни в 7мь часов, а разъезд в 12ть часов.

3. К увеселению собрания: музыка, танцы и развлекательная картежная игра.

4. Каждому члену позволяется иметь один визиторный билет для приведения с собой гостя в собрание безденежно. Но гостем одна персона более трех раз быть не может. Имеющие же здесь в Ростове всегдашнее пребывание, гостями быть не могут, а приезжие и военнослужащие офицеры имеют вход в собрание безденежно с получением от директоров билета, которые при входе в собрание от них отбираются.

5. Почтеннейшее Ростовское купечество имеет быть приглашено в сие собрание гостями по визитерным билетам.

6. Господам адьонктам кандидатам и магистратам по учебным заведениям здесь в городе пребывающим, так же привилегированным содержателям благородных пансионнов и иностранцам, находящихся в домах учителями въезд в собрание не возобновляется, равно же и иностранок, находящихся при воспитании благородных детей вместе с ними привозить не запрещается.

7. Господам гражданским равно и военным в сертуках вход в собрание запрещается.

8. Нарушитель приличной всякому благородному собранию благопристойности, выводится в то же время вон из Собрания, и исключается навсегда из онаго.

9. Платеж за все показанное время единожды денег не менее каждый кавалер вносит 25, а дамы и девицы по 10 руб., ассигнациями, впрочем, на волю всякого отдается внести и больше.

10. Билеты получить членам для себя и гостей при внесении денег, за подписом гг. Директоров.

11. Чай, кофе, мед, лимонад, мороженое и конфеты будут в собрании проводить по доставленной гг. директорами единожды <...>.

12. Директоры собрания избираются из своих сочленов, как с военной, так и с гражданской стороны, которые за общим порядком в собрании имеют смотрение». См.: Там же. Л. 4 – 4 об.

В ноябре 1822 г. губернатор уведомлял полицмейстера Симановского: «На рапорт Ваш ко мне... о желании ГГ. дворян и воинских чиновников открыть в г. Ростове в зимнее время благородное собрание на правилах Вами ко мне предоставленных... отзываюсь Вам, что я представил о сем Господину управляющему Министерством Внутренних Дел, но дабы между тем не лишить дворянство и воинских чиновников удовольствия иметь собрания, приватно дозволяю открыть оные на правилах Вами ко мне предоставленных». См.: РФ ГАЯО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 11. Л. 254. Л. 275.

1 января 1823 «...в доме Благородного собрания» был «...в пользу инвалидов маскарад». Сообщив об этом полицмейстеру Симановскому, дирекция Благородного собрания просила «...о имеющем быть маскараде объявить жителям города Ростова, и есть ли кому угодно быть в оном, то билет для каждой особы могут получать накануне Нового Года от директора собрания Г-на поручика Ашерина и от содержателя в собрании буфета Федора Потапова, со взносом за каждый билет по полтине серебром...». Где в это время располагалось Благородное собрание, сведений нет. См.: Там же. Л. 301.

В декабре 1827 г. Иван Борисович Леонтьев сообщал губернатору М.И. Бравину «...о согласии Благородного общества Ростовского и Почтеннейшего купечества завести в Ростове Благородное собрание...». К письму прилагались правила Ростовского благородного собрания:

«1. Благородное собрание с почтенным купечеством имеет составляться из записных членов.

2. Каждый записавшийся вносит по 15 руб. ассигнациями.
3. Каждый член может привозить с собою гостей; кои суть не живущие в сей округе, при чем получая безденежно визитерный билет, объявляет особу для которой оной требуется, и отвечает во всем за своих гостей.
4. Собрание предполагается быть два раза в неделю во вторник и пятницу, съезд начинается в бть часов и продолжается до 12ти.
5. Благопристойность во всех отношениях должна быть соблюдена, каждым в собрании находившимся. Нарушивший оную выключается из собрания и впредь впущен не будет. Наблюдение сих правил возлагается на старшин.
6. Чай, лимонад, табак и проч. получаютя от эконома по таксе подписанной старшинами.
7. За все взятое от эконома платят наличные деньги до выезда из собрания.
8. Если кто из членов или гостей пожелает ужинать, то объявляет о сем эконому заблаговременно, по прибытии в собрание.
9. Визитерные билеты отдаются при входе швейцару.
10. Все азартные игры воспрещаются».

16 декабря 1827 г. полицмейстер Измайлов рапортовал губернатору М.И. Бравину, что «дворянство в г. Ростове имеющее пребывание, сего декабря бго числа открыло в доме ростовского мещанина Алексея Серебренникова мужское собрание в виде англицкаго клуба...». См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1466. Л. 21. Л. 18. Л. 24.

Купеческое собрание, пришедшее на смену Благородному собранию, было организовано в Ростове лишь в 1869 г. 23 марта 1868 г. с прошением к Ярославскому губернатору обратились граждане Ростова и купцы: «Ввиду развития общественной жизни, сознавая потребность учреждения, где бы мы и семейства наши могли с удовольствием и пользою проводить свободное от занятий время в своем кружке, — нижеподписавшиеся купцы и Граждане города Ростова, согласились между собой учредить в Ростове Купеческое собрание, назначение которого вполне удовлетворив, как нашему желанию, так и много раз заявленному нам от приезжающего на нашу ярмарку Русского Купечества, которое по вечерам после торговых занятий, будет иметь в купеческом собрании место, где, отдыхая от дневных трудов и проводя приятно время, может совещаться между собой о ходе всех вообще, ярмарочных торговых дел. На основании изложенного выше, мы составили устав Ростовского Купеческого Собрания, который имеет честь представить к Вашему Превосходительству, при нашей покорнейшей просьбе, не отказать нам в вашем ходатайстве пред Господином Министром Внутренних дел, о утверждении этого устава». Под прошением 32 подписи, в числе которых подпись Николая Федоровича Земского. «Устав Ростовского, Ярославской губернии купеческого собрания» утвержденный Министерством Внутренних дел в 1869 г. был издан в Ярославле в 1869 г. См.: ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 5718. Л. 1, 2, 31.

На смену Купеческому собранию пришло Ростовское Общественное собрание, просуществовавшее до 1887 г., когда его было предложено закрыть «в силу следующих соображений. Общественное собрание, явившееся на место бывшего купеческого клуба; в свое время заменившего дворянский, за время своего существования не оправдало своего назначения и тех требований, которые должны быть предъявлены к этому учреждению, вызванному казалось бы желанием общества иметь возможность сходится по вечерам никого не стесняя, чтобы отдохнуть от занятий приятно провести время за чтением газет и журналов, в беседе, а так же и поддержать общую связь в интересах знакомства и проч. Общественное собрание, насчитывавшее в первые годы существования более 100 членов, в настоящее время, не смотря на прирост населения, имеет членом менее 50 чен-

ловек. Наблюдая жизнь клуба, нельзя не прийти к заключению, что за последние годы и эти 50 членов собрания посещали клуб все менее и менее. С другой стороны желание членов клуба упорядочить Общественное собрание вызвало усиленные расходы, на наем лучшего помещения, на обзаведение вполне приличной обстановки, выписку лучших и в полном объеме газет и журналов и много другое. На все это одних членских взносов не могло хватать и естественным образом приходилось обращаться к частной подписке, в которой однако принимали участие все те же плательщики – члены собрания, а общество продолжало относиться к этому учреждению настолько равнодушно что за последние годы не раз возникал вопрос о необходимости существования Общественного собрания. При чем до сего времени вопрос этот разрешался в пользу существования клуба в виду необходимости пользоваться клубской библиотекой и отчасти по случаю тех устраиваемых в клубе танцевальных вечеров, на которых веселится приезжающая на праздники учащаяся молодежь. Принимая во внимание исключительно только эти обстоятельства члены клуба ежегодно принимали на себя усиленные расходы, по особой подписке, от участи в которой остальное население города не только уклонялось, но и видимо было, что общественное собрание стоит вне интересов остального общества ... с открытием в г. Ростове при Белой Палате Публичной библиотеки с недорогой сравнительно платой существование библиотеки при Общественном собрании не является необходимостью. ... Совет старейшин усматривает необходимость закрытия общественного собрания...» См. там же: Л. 54 об. — 56.

¹⁸ Толоконников Федор Иванович купец 3-й гильдии. Согласно Городской управительской книге 1849 г. «происходит из старожилов, от роду имеет 31 год. Женат на Юрьевичке купеческой племяннице Любови Александровой ей от роду 23 года. Имеет детей сыновей – Владимира 6 лет, Александра 5 лет, Ивана 2 лет, Николая – 1 году, дочь Елизавету – 3 лет. При семействе имеет родительницу купецкую вдову Марью Федорову 65 лет и родного холостого брата Николая Иванова 22 лет. Имеет недвижимое наследственное общее с матерью и братом имение, которое состоит в г. Ростове: в Благовещенском приходе в 7-м квартале сенокосная земля, принадлежащая одной матери его; в Козмодемьянском приходе в 13 квартале земля же; в Архангельском приходе деревянный дом с землею. Жительство имеет в г. Ростове постоянно. Промысел производит торговлю суконным и пушным товаром. В Городской службе был депутатом торговли и ныне состоит в должности депутата оценочной комиссии». См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 63. Жил в Ростове на Архангельской улице в деревянном одноэтажном доме «с надворным строением и землею». См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 45 об. — 46.

В Ростове ему принадлежали две лавки: с суконным и заячьим товаром с оборотом в год до 2000 р. В суконной лавке он торговал сам, в меховой – состоящий с ним в одном капитале, брат его Николай Иванович Толоконников. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2459. Л. 22 об.

¹⁹ Венчание ростовского двадцатидвухлетнего купецкого сына Александра Ивановича Титова и семнадцатилетней дочери свободного хлебопашца села Угодич Василия Михайловича Дюкова – Анны Васильевны – состоялось 16 января 1844 г. в Ростовской Всехсвятской церкви. Поручителями были: по жениху – Почетные граждане М.И. и Н.И. Морокуевы, крестьянин села Поречья Рыбного графини Паниной Леонтий Васильевич Маринин. По невесте – села Поречья крестьянин Петр Яковлев Устинов, села Угодич крестьянин Михайло Михайлов Дюков. См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 14942. Л. 8 об. — 9.

16 октября 1844 г. в семье родился первый ребенок – сын Андрей, (см. там же. Л. 5 об.) будущий историк, краевед, собиратель славяно-русских рукописей. Действительный член Императорского Археологического общества. Один из инициаторов реставрации Ростовского Кремля и организаторов Ростовского музея церковных древностей.

²⁰ В книге записей брачных обысков Ростовской церкви св. Леонтия на Заровье сообщается: «1844 года генваря 28-го дня города Ростова Леонтьевской, что на Заровье церкви священноцерковнослужители произвели обыск о желающих вступить в брак и оказалось следующее: 1. Жених Ростовский купецкий сын Яков Васильев Хранилов, православного исповедания жительство имеет в сем же городе Ростове в приходе означенной церкви. 2. Невеста Ростовского уезда Государственных имуществ управления Нажеровской волости деревни Ивашова крестьянина Ивана Михайлова Крекшина дочь девица Устинья Ивановна, православного исповедания, жительство имеет Ростовского у. деревни Ивашова в селе Шульце при Богоявленской ц. 3. Возраст к супружеству имеет совершенный, а именно жених 22-х лет, а невеста 22-х и оба находятся в здравом уме». См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 666. Л. 45 об. Яков Васильевич умер молодым в апреле 1855 г. в возрасте 30 лет от горячки. В этом же году в августе скончался их семилетний сын Василий. А через три года в декабре 1858 г. от простуды умерла 32-летняя Устинья Ивановна. Погребены на кладбище Богоявленского моанстыря. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 79. Л. 40 об. Л. 42 об. Л. 92 об.

²¹ Одинцов Иван Борисович – ростовский купец 3-й гильдии. Согласно Городской обывательской книге «происходит из старожилов онаго города, от роду имеет 26 лет. Женат вторым браком на ростовской купецкой дочери Катерине Ивановой, коей от роду 26 лет. Имеет 2-х дочерей: Елизавету 3-х лет и Серафиму 2-х лет. Имеет в городе Ростове деревянный дом с строением и землю в 3 квартале по Всесвятской улице наследственный и пустоорожную землю в 29 квартале по Ивановской улице им купленную, да жена его имеет две пустоорожные земли в 27 и 29 квартале. Первую по Введенской улице, а вторую в Толском приходе, купленную ею. Жительство имеет в городе и в отлучке по торговым делам. Промысла купецкого и производит торговлю в Уральске. Ныне находится Гласным в Градской Думе. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 42 об.

Был женат трижды. В 1838 г. женился на купеческой дочери Глафире Федоровне Бабуриной. В 1842 г. женился во второй раз на дочери Ростовского купца Ивана Васильевича Кекина девица Екатерине (1820 – не позднее 1854). В третий раз женился в 1854 г. на дочери Ростовского мещанина Дмитрия Николаева Ломтева девице Евдокии. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1117. Л. 67, 84, 122.

Жил в Ростове на улице Заровской в каменном двухэтажном доме с мезонином и флигелем, с надворным строением и землей. См.: РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Подворная книга второго квартала. 1849. Л. 87 об. – 88.

²² Согласно исповедной росписи Ростовской церкви св. Николая на Подозерье, прихожанами которой были Земсковы, семья Карачуновских в 1844 г. состояла из вдовы Елисаветы Алексеевны Карачуновской 69 лет. Ее детей – вдовы Ольги Егоровны 47 лет; девицы Марьи Егоровны 45 лет; сына Петра Егоровича 36 лет и его жены Агрофены Ивановны. См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 15111.

²³ Земсковы была прихожанами церкви св. Николая на Подозерье.

²⁴ Речь идет о старшей сестре Николая Федоровича – Марии Федоровне и ее муже Николае Андреевиче Сальникове.

²⁵ Гусева Александра Александрова (1811 – 1850) – ростовская 3-й гильдии купеческая вдова. Происходила из старожилов города. От брака с ростовским купцом Иваном Ивановичем Гусевым имела детей: Петра, Василия; Марию и Елизавету. В Ростове ей принадлежал каменный двухэтажный дом с надвор-

- ным строением и землей и пустопорожние земли: по Ярославской улице и в Николоспольском приходе, перешедшие к ней по наследству от мужа ростовского купца Ивана Ивановича Гусева. См.: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2503. Л. 8
Имела в Ростове «овощную лавку с восковыми свечами на 1000 р. и ренсковой погреб с товаром на 1000 р.», с оборотом в год до 5000 р. В лавке торговала сама, в погребе сын Петр Иванович Гусев. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2459. Л. 22.
Умерла от горячки в возрасте 39 лет и была погребена на кладбище Петровского монастыря. См.: РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 17455. Л. 42 об. — 43.
- ²⁶ Надежда Ивановна Земскова — дочь штатного служителя Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря Ивана Яковлевича Титова. В 1825 г. в возрасте 16 лет вышла замуж за 16-летнего же Алексея Михайловича Земскова (родного дядю Н.Ф.Земскова, брата его отца). См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 957. Л. 16.
- ²⁷ Вероятно, речь идет о Николае Андреевиче Сальникове, муже старшей сестры Н.Ф. Земского
- ²⁸ Николай Алексеевич Серебренников женился в октябре 1842 г. в возрасте 24 лет на 16-летней Марии Дмитриевне Бушковой, дочери Мологского купца 2-й гильдии Дмитрия Дмитриевича Бушкова. См.: РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 666. Л. 47 об.
- ²⁹ В конце текста приписка А.А. Титова: «Друг оказался истинным другом и конечно насмеялся Ник: Фед: получил отказ, бросил дневник, стал торговать усиленно, нажил хороший капитал, был гласным старой Думы в 1860, но стал попивать и вести себя дурно, допивался до белой горячки и умер на Подозерке у одной девицы... (это было около 1870 г.). Друг Н.А. Серебренников <...> — был Директором банка, <...> (смотри журналы, Ростов<ской> Думы 1873 и 1874). Умер около 1880 г., а она Александра Алексеевна жива и сейчас, все в том же домике. Глядя <...> вспоминает все это прошлое. 1892 ноября 14».
- ³⁰ В рукописи на листах 45 — 60 — «Очерки лавошного обращения. Тетрадь 1-я Сочинены 1844 года Сентября 12-го числа Николаем Земсковым» и черновик письма Фаддею Венедиктовичу Булгарину.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Публикации Н.Ф. Земского.

1851

Земский Н. О посещении Ростова Ея Императорским высочеством Великой княгиней Марией Александровной 3 сентября 1851 г. и в обратный проезд из Ярославля 5 сентября // Северная пчела. 1851. № 215. С. 850.

Земский, Николай. О зеленом горохе. Письмо в редакцию. Ростов. 26 сентября 1851 г. // ЯГВ. 1851. Ч. н. № 40. С. 389.

Земский Н. Ростов. Цены на белый цикорий // ЯГВ. 1851. Ч. н. № 44. С. 422 – 423.

1852

Земский Н. Письмо к издателям из Ростова. О ярмарке в Борисоглебских слободах // Северная пчела. 1852. № 45. С. 178.

Земский Н. О расположении Ростовской ярмарки // Северная пчела. 1852. № 94; С. 374 – 375.

Земский Н. Письмо к издателям из Ростова. Торговые пятницы во время Петрова поста. – Петров день. – Гостиницы и трактиры. – Посетители Гостиниц «Париж». – Газеты. – Погода. – Зеленый горох // Северная пчела. 1852. № 172. С. 885.

Земский Н. Ярмарка в Борисоглебских слободах // ЯГВ. 1852. Ч. н. № 20. С. 187 – 188.

Земский Н. О торговых днях в Ростове в продолжение Петрова поста // ЯГВ. 1852. Ч. н. № 29. С. 255 – 256.

1853

Земский Н. Крестный ход в Ростове 16 августа // ЯГВ. 1853. Ч. н. № 35. Суббота. 29 августа. С. 345 – 346.

Земский Н. Покупка зеленого гороху. Цены на цикорий и картофель // ЯГВ. 1853. Ч. н. № 36. С. 353 – 354.

1854

Земский Н. О святочных простонародных увеселениях в Ростове. Возражение на статью в «Московских ведомостях» // ЯГВ. 1854. Ч. н. № 4.

Земский Н. Обозрение хода промышленности Ростовского уезда в земледельческом отношении // ЯГВ. 1854. Ч. н. № 35. С. 292 – 294.

Земский Н. Промышленность Ростовского уезда, Ярославской губернии // ЯГВ. 1854. Ч. н. № 47. С. 386 – 390; ЯГВ. 1854. Ч. н. № 48. С. 393 – 396.

Земский Н. Письмо из Ростова. Погода. Влияние на урожай, особенно на зеленый горох. – Движение товаров между Санкт-Петербургом и Ковном. – Получение политических газет в Ростове. – Несколько слов о газете «Кавказ» // Северная пчела. 1854. № 206. С. 980-981.

1855

Земский Н. Член-корреспондент Ярославского Общества Сельского Хозяйства. Промышленность ростовского уезда в 1854 году // Труды

Императорского вольного экономического общества. 1855. июль. Том третий. С. 66 – 75.

Земский Н.Ф. Отчет Ярославского общества сельского хозяйства за 1854 год // Труды императорского Вольного экономического общества. 1855. Июнь. Том второй. С. 12 – 15.

Земский, Николай. Внутренние известия. Ростов (из дневника) // ЯГВ. 1855. Ч. н. № 11. С. 75 – 78.

1856

Земский Н.Ф., член-корреспондент Ярославского общества сельского хозяйства. Обзорение промышленности Ростовского уезда за 1855 г. // ЯГВ. 1856. Ч. н. № 41. С. 399 – 401.

1857

Земский Н.Ф., член-корреспондент Ярославского общества сельского хозяйства. Об урожае и сбыте некоторых произведений, по Ростовскому уезду // ЯГВ. 1857. № 35. Ч. н. С. 241 – 242.

Земский Н. Несколько слов о сельской кушачной промышленности в Курской губернии // ЯГВ. 1857. Ч. н. № 38. С. 290 – 291.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Северная пчела. 1851. № 215. С. 850.

О посещении Ростова Ея Императорским Высочеством Великой Княгиней Марией Александровной 3 сентября 1851 г. и в обратный проезд из Ярославля 5 сентября

Ростов, 9-го сентября (Из письма Г. Земского в редакцию «Северной пчелы»). В г. Ростове (Ярославской губернии) 1-го сентября пронеслась радостная весть, что ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая княгиня Мария Александровна во время высочайшего проезда из Москвы в Ярославль, намерена осчастливить своим посещением город Ростов, и остановится 4-го сентября для ночлега в знаменитой обители Святителя Иакова. Сия весть быстро разнеслась по городу, и привела жителей его в неописанный восторг. Каждый спешил с сердечною радостью передавать друг другу сие неожиданное радостное известие.

Видеть особ Августейшего Дома, Благосавенную семью Великаго царя нашего в том городе, где мы живем, близ домов своих посреди себя, составляет для каждого русского необыкновенное счастье.

Два дня прошло для Ростовцев в нетерпеливом ожидании. 3-го сентября, с трех часов пополудни, жители Ростова начали сходиться к Московской заставе, куда должна была прибыть ея императорское Высочество.

Ростов, почти постоянно однообразный и тихий, на сей раз оживился торжественным образом. Покровская улица на протяжении ярко осветилась, а при въезде в город сиял транспарант с вензелевым изображением имени Мария. Обитель Святителя Иакова так же осветилась: высокие куполы двух ея величественных храмов были ярко иллюминированы. Благочестивые иноки, с чувством сердечной признательности, ожидали высокоую по-

сетительницу, удостоив их обитель своим пребыванием. В одиннадцать часов пополудни восторженные восклицания народа возвестили приезда Августейшей Гостыи.

Ея Императорское Высочество изволила прибыть прямо к главному храму монастыря, во имя Зачатия святыя Анны и у выхода в оный была встречена Настоятелем монастыря Архимандритом Поликарпом, с братиею. Приложившись к Святому Кресту, Государыня Цесаревна вступила во храм, где после молебствия прикладывалась к мощам Ростовских угодников Святителей Димитрия митрополита и Иакова Епископа, в сем храме почитающихся. За сим изволила выйти из храма и шествовать в приготовленные для Ея Высочества покои, при входе в которые Городской Голова, Почетный Гражданин Иван Федорович Кекин, с лицами, служащими по городским выборам и избранными купечеством, поднес ея Императорскому Высочеству хлеб-соль по Русскому обычаю. Народ с сердечным благоговением взирал на высокую посетительницу, изъявляя Ей, сколь для него дорого и лестно Ея между им пребывание.

Так кончился вечер 3-го сентября. Осчастливленные ростовцы расходились по домам с отрадною мыслию, что на следующий день будут наслаждаться лицезрением Августейшей посетительницы.

С 4-го сентября с семи часов утра, Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь наполнился народом. Каждому желательно было видеть Ея Императорское Высочество, каждому желательно было выразить Ей чувство своего к ней благоволения.

В девятом часу Городской Глава, с гражданами, получили согласие Ея Высочества на принятие Ею приготовленных от города предметов местной промышленности, заключающихся в полотнах, платках полотняных и зеленом горошке, которые при выходе ея Высочества к Божественной Литургии, он и имел счастье поднести. В десять часов Ея Императорское Высочество изволила слушать Божественную литургию в Главном храме монастыря, которую совершал настоятель монастыря, архимандрит Поликарп. По окончании литургии, Государыня Цесаревна, приложившись к мощам Святых Угодников, изволила осматривать великолепную, новую церковь во имя Святителя Иакова, сооруженную покойным настоятелем Спасо-Яковлевского монастыря, архимандритом Иннокентием; после чего Ея Высочество изволила удалиться в свои покои.

В это время любитель редкостей, Ростовский купец, Почетный Гражданин Петр Васильевич Хлебников имел счастье показать ея Высочеству принадлежавшие ему жемчужные с разными драгоценными камнями кокошники, которые носили в прежнее время местные зажиточные женщины. Эти предметы обратили на себя внимание Государыни Цесаревны.

В половине двенадцатого Ея Высочество изволила выехать из Спасо-Яковлевского монастыря, и, при колокольном звоне, посреди многочисленной толпы народа, шедшего в это время по Покровской улице, и поспешавшего к собору, где была встречена протоиереем сего храма, Андреем

Тихвинским, с городским духовенством. Приложившись ко святому кресту, Ея Высочество вступила в собор, где после молебствия, прикладывалась к местным иконам и мощам Святых угодников, в сем древнем храме почивающих. За сим Ея Высочество изъявила желание осмотреть древний кремль Ростова, с находящимися в нем четырьмя древними храмами.

Было время, когда могущественный славный Ростовский кремль величественно поражал взоры и был красотой древняго города. По уничтожении митрополии и по переводе архиерейской кафедры в Ярославль, здания Кремля опустели, всеразрушающее время постепенно сокрушало разные части кремля, а ныне он представляет одне развалины. Эти древние места изъявила желание осмотреть Ея Императорское Высочество. В предшествии протоиерея собора, имевшего честь объяснять исторические и археологические достопримечательности, Государыня цесаревна изволила пройти почти по всем древним стенам кремля, и осмотреть древние церкви там находящиеся. Трудно описать те чувства, которыми исполнены были сердца жителей Ростова, когда они видели, как Августейшая супруга наследника престола шествовала по древним стенам кремля, и как милостиво обращала она высокое свое внимание на сии древние здания...

Ея Высочество изволила осматривать здания Кремля в продолжении получаса. После сего при восторженных восклицаниях народа и знаменитом, согласном соборном колокольном звоне, отправилась к своим экипажам и в половине первого часа пополудни изволила выехать из Ростова в Ярославль.

Так кончилось утро сего незабвенного дня. Ростовцы разошлись по домам с сердечною молитвою к всевышнему о ниспослании долгоденствия и благополучия Августейшему Дому Великаго нашего Царя.

На другой день в четыре часа пополудни, жители Ростова вновь имели счастье узреть ея Императорское Высочество Государыню Цесаревну Великую Княгиню Марию Александровну, на обратном ея проезде из Ярославля в Москву. Ея Высочество изволила только проехать через Ростов. В это время купцы Иван Федорович Кекин и Петр Васильевич Хлебников имели счастье поднести ея Высочеству плоды из садов своих: виноград, персики, сливы и яблоки, которые были милостивы приняты Ея Высочеством. Радостные восклицания ошастливленного народа сопутствовали проезду Высокой путешественницы до пределов города.

Северная пчела. 1852. № 45. С. 178.

Письмо к издателям из Ростова.

В 17-ти верстах от города Ростова (Ярославской губернии), по Углицкой дороге, находится торговое селение «Борисоглебские слободы», принадлежащее графу Панину. Еженедельно по понедельникам в этом селении бывает базар, на который приезжают ростовские торговцы с разнородными товарами. Эти базары замечательны тем, что на них в высшей степени развита розничная местная торговля. Тут бывают покупатели таких товаров, которые не только в селах, но даже и в некоторых городах

требуются весьма редко. В зимнее время, почти еженедельно продается в этом селении не малое количество разных шелковых материй, не дешевых, но стоящих около 1 р. 50-ти коп. или 1 р. 75-ти коп. сер. за аршин, множество сукон, лисьих мехов, мужских и женских и прочих ценных товаров. Все это покупают не купцы или подходящие к этому званию люди, но крестьяне. Причина тому — богатство жителей Ростовского уезда, особенно того округа, в котором находится селение Борисоглебские слободы. В селениях сего округа нет ни одного дома, из которого один или двое крестьян не уезжали бы в Петербург и другие города; иные из крестьян идут в прикащики; по большей части в зеленые лавки, другие на работу в огородах, третьи производят продажу в разноску разных овощей. С древнего времени крестьяне Ростовского уезда занимаются в разных местах России, особенно в Петербурге, огородною промышленностью, чем и составили себе порядочное состояние, ныне нередко можно встретить в Ростовском уезде мужичков, имеющих капитал от 10 до 12 тысяч рублей серебром.

В понедельник на сырной неделе в Борисоглебские слободы съезжаются все окрестные зажиточные и незжиточные крестьяне: первые себя показать, вторые на первых посмотреть. Съезд крестьян в этот день бывает очень большой, и начинается ранним утром. Любопытно видеть, как все они один перед другим шеголяют лошаадьми, санями и сбруей. У некоторых есть лошади ценою от 200 до 300 р. серебром, во сто же и полтора ста рублей у многих; сани оклеены ореховым деревом; сбруя тяжело усыпана накладным серебром. По приезде в селение, крестьяне расходятся по трактирам, которых там четыре. Из них замечателен, по своему отличному устройству, трактир тамошнего крестьянина Николая Васильева Колчина. Напившись чаю, крестьяне выходят гулять на базар, мужчины большею частью в лисьих шубах, некоторые даже в енотовых; женщины в сапогах из шелковой материи на лисьих мехах; капишоны у салопов обшиты шелковою бахромою. Самыя богатыя из этих дам бывают в бархатных сапогах, и почти все, которые имеют салопы, бывают в шляпках. Да, в бархатных и атласных шляпках! Не забудьте — я говорю о русских крестьянках!*

Закончу статью следующим рассказом. За три года перед сим приехали в Борисоглебские слободы две крестьянки, по базару погулять, и себя показать. Это было в масленичный понедельник! Явились они богато одетыми: обе в хороших салопах, обе — в розовых атласных шляпках! Шляпки эти им привезли мужья из Петербурга. Через год, в этот же самый понедельник, число шляпок, увеличилось до двенадцати. Еще через год т.е. в понедельник настоящего года, шляпки явились более чем на сорока крестьянках. Любопытно знать, много ли их будет в этот же день в будущие годы.

10 февраля 1852. Н. Земский.

---

* В семидесяти же верстах от Борисоглебских слобод в городе Переславле Залесском, не только окрестные крестьянки, но даже мещанки и некоторые из купчих (не пожилые, а молодые) ходят в старинных повязках и сарафанах.

Северная пчела. 1852. № 94. С. 374-375.

Пчелка. Расположение Ростовской ярмарки.

Город Ростов (Ярославской губернии), лежащий на северной стороне Озеро Неро, замечателен правильностию своего расположения, в самом центре города находится древний кремль, обнесенный высокою стеною с бойницами, заключающий в себе здания бывшей митрополии. Рядом с кремлем, по северную сторону кремлевской стены, возвышаются величественный обширный соборный храм успения Пресвятой Богоматери. За алтарем сего храма стоит колоссальная колокольня, замечательная стройным подбором колоколов, расположенных в одном ярусе, почему и звон выходит согласный*. Соборный храм, колокольня и соборная площадь обнесены каменною оградой, примыкающей к северной кремлевской стене. Насупротив восточной стороны кремлевской стены и соборной ограды выстроен в 1840 и 1841 годах на счет городских доходов, четырехсторонний, почти квадратный корпус, заключающий в себе снаружи и внутри 105 номеров поместительных лавок. За эти корпусом находится другой, квадратный же, имеющий внутри много прекрасных линий с лавками и принадлежащий частным лицам; почти над всеми наружными лавками сего корпуса находятся комнаты, приносящие хороший доход. За сим корпусом тянется третий, принадлежащий так же частным лицам. Насупротив северной стороны соборной ограды и корпуса общественных лавок находится большое число лавок, расположенных в виде параллелограмма, и принадлежащих частным лицам; внутри последнего параллелограмма проведено много долевых и поперечных линий с лавками (во время ярмарки в этих внутренних перекрестных линиях сосредоточена различная торговля суровским, панским, галантерейными и модными товарами). Насупротив восточной стороны сего параллелограмма лавок находится другой подобный же, имеющий лавки с трех наружных сторон и так же внутри, но в небольшом числе. Все упомянутые здания каменные, крытые железом.

Насупротив южной стороны общественного корпуса находится довольно большая площадь, оканчивающаяся на восточной стороне квадратом, состоящим из дома, в котором помещаются магистрат, городская дума и городская богадельня и из трех других домов, принадлежащих частным лицам. Далее к востоку находится женский монастырь. Насупротив западной кремлевской стены построены казармы, а насупротив западной соборной ограды находится линия каменных постоянных дворов.

Все сии здания, составляющая центр города, окружены старинным земляным валом, параллельно которому на близком расстоянии, идет другой небольшой. В валу прорыты широкие проезды.

По южную сторону вала находится озеро, на берегу которого построено несколько линий домов, в зимнее время превращающихся в постоянные дворы, и приносящих хорошие доходы. С остальных трех сторон вал окружен обширною так называемою Городскою площадью. Площадь обнесена линею домов, расположенных правильным полукругом около вала, разстоянием от него в двух стах саженьях. Полукруглая линия домов, с обеих сторон доходит

* Всех колоколов 13; из них в одном 1,000 пудов весу, а в другом 2, 000 пудов.

до озера, которым город и оканчивается с южной стороны. За полукругом домов находятся одиннадцать длинных прямых улиц, выходящих на полукруг, которые пересекаются многими другими, идущими параллельно полукругу.

Из сего видно, что центр города, окруженный валом, состоит исключая кремля, из многих четырехсторонних корпусов, состоящих из домов и лавок, и что между корпусами проходят правильные долевые и поперечные улицы. Между валом же и полукругом линеєю домов находится большое пространство, удобное для помещения некоторых товаров во время ярмарки.

На городской пощади, насупротив вала, с восточной стороны, построен в 1831, 1832 и 1833 годах из городских доходов, квадратный каменный корпус, имеющий с двух наружных сторон 64 нумера лавок, а с четырех внутренних 84 нумера, и называемый каменными Мытным Двором. В недалеком расстоянии от сего корпуса, с северо-западной стороны находится пустопорожнее место, обнесенное забором. Это деревянный Мытный двор. На время ярмарки во многих местах, в городе и на площади, выстраиваются лавки и балаганы, в которых помещаются торговцы с разными товарами.

На Городской Площади, насупротив южной стороны каменного Мытного Двора, на берегу озера, находится городской сад, отделенный на лицевой стороне прекрасною железною решеткою с каменными круглыми столбами. С правой стороны сада находится каменный дом, в котором помещены уездные присутственные места, а с левой Титовская богадельня для престарелых обоего пола.

Внутри города, исключая собора, древних церквей в Кремле и женского монастыря находятся четыре церкви; на Городской площади три церкви, и в улицах за площадью тринадцать. На западном конце города, в прекрасном местоположении, на берегу озера, красуется величественный, знаменитый, мужеский Ставропигиальный Первоклассный Спасо-Яколевский Димитриев монастырь.

Производство торговли и движение народа, во время Ростовской ярмарки, разделяется на два рода: к первому относится центр города, ко второму Городская площадь за валом. Торговля и появление народа в центре города начинается с четвертка первой недели Великого Поста, и совершенно оканчивается субботою третьей недели. На площади появление народа и открытие торговли происходит тоже в четверток первой недели поста, но оканчивается неделю ранее чем в центре города, так что в течение третьей недели почти вся ярмарка сосредотачивается внутри города.

Товары, продаваемые во время ярмарки, в центре города, оптом и в розницу, суть следующие: чай, сахар, деревянное масло, кубовая краска, восковые и сальные свечи, товары москательные, шелковые, шерстяные, бумажные, галантерейные, модные, серебряные, игольные, коженые, чулочные, кушачные, рукавичные, шляпные и картузные, сапожные и башмачные, зеркала, писчая и прочая бумага, фарфоровая и стеклянная посуда, полосовое и листовое железо, разные изделия из меди и железа, красная и белая пряденая бумага, коренная рыба и виноградные вина.

На каменный мытный двор поступают в лавки с южной наружной стороны бакалейные товары; с северной тряпью для писчей бумаги и кулевой листовой табак; в лавках с внутренних сторон мед, мыло и постное масло; внутри двора на земле помещаются меда, воск и постное масло.

На деревянный мытный двор привозятся свинина, солонина, кожи, овчины, щетина, перо, зайчина, хмель, пенька и пакля.

На площадях движение торговли состоит в покупке льна, пряжи, холста, в продаже лошадей, всех вообще хлебных товаров, деревянной посуды, дегтя, жерновых камней, колоколов, ободьев, саней, распусков, дуг, сена, рогож, бичевок, семян, красной и белой юфти и шадрика.

Для показания как велики бывают обороты некоторых товаров, упомяну, например о торговле чаем. Чайную оптовую торговлю производят московские купцы: торговый дом братьев Борисовских, М.П. Алексеев, В.А. Лепешкин, И.А. Колесов, К.А. Кукин, Н.Д. Боткин и В.А. Перлов. Привозят они более 2, 000 мест или цыбиков, и почти все это количество распродают в Ярмарке. Так же велик бывает привоз сахара, деревянного масла, кубовой краски и пряденой красной бумаги.

Ростовская ярмарка кроме значительных оборотов по продаже и покупке товаров, имеет еще другое, важное значение. Происходя через шесть месяцев после Нижегородской ярмарки, она очень удобна для кредитных сроков. Многие лица, покупая товары в кредит, назначают сроки платежа от Нижегородской до Ростовской и обратно. Посему на Ростовской ярмарке бывает много разных платежей; некоторые лица приезжают сюда только для расчетов.

Ежедневно вечером, в продолжение второй недели поста и первых дней третьей на перекрестке двух главных улиц, в центре города, сходятся капиталисты и прочие торговые люди. Этот перекресток и составляет купеческую биржу Ростовской Ярмарки.

В конце второй недели Поста происходит значительная оптовая продажа хлебных товаров, сбываемых по образцам. Условия приемки по разности мест бывают не одинаковы: один покупает с тем, чтобы известное количество пшеницы, к назначенному времени принять в Нижнем Новгороде, а другой в Ярославле или в Рыбинске.

На нынешней ярмарке, как и на прошлогодней, съезд был невелик. Торговля всеми вообще товарами шла тихо, особенно розничная. В большой заминке был Казанский мед, которого привезли на нынешнюю ярмарку чрезвычайно большого количества, почему и цены на него были очень дешевы. Прочие товары держались в обыкновенных ценах. Некоторые товары особенно из складываемых на мытных дворах, пришли позже обыкновенного. Причиною тому, как слышно, были разбитые дороги от метели, бывшей пред Ростовскою ярмаркою.

Из особенностей ярмарки нынешнего года стоит заметить лавку с развешенным на фунты и полуфунты чаем из Московского магазина Китайских чаев Г. Климушина, и небольшое отделение зверинца Г. Берга, из Москвы, с Лубянской площади. Многие из торговцев Ростовской ярмарки, обык-

новенно ограничиваются только вывесками. Господа же Климушин и Берг, кроме вывесок, отрекомендовались еще и объявлениями.

Объявление Климушина приглашало господ покупателей следующими уверениями: «Смело могу сказать, ни один знаток не подметит в них (чаях) ни железноватости, ни жгучести, ни сальноватости, ни слизистого отседа, ни деревянистости, ни самой наконец пустоты или безвкусия». В прейскуранте Г. Климушина самый лучший чай назван: «остро-букетно-медвяно-задхло-розанистым». Объявление Г. Берга было в осемнадцать вершков длины и четырнадцать вершков ширины. Посетителей у него было не много, а звери, в его Ростовском зверинце, были почти все молодые. На первом месте красовался слон, пяти лет, названный в афише Ребенком.

Наступила четвертая неделя Поста: иногородние торговцы разъехались, Ростовские перебрались в свои прежние помещения, временные лавки разобраны и бывший недавно шумный, полный движения и деятельности Ростов сделался вновь на целый год городом тихим и однообразным.

Н. Земский. 7-го марта 1852 года.

Северная пчела. 1852. № 172. С. 885.

Торговые пятницы во время Петрова поста. — Петров день. — Гостиницы и трактиры. — Посетители Гостиниц «Париж». — Газеты. — Погода. — Зеленый горох.

Письмо к издателям из Ростова.

В городе Ростовое к трем торгам, бывающим еженедельно по вторникам, четвергам и субботам, в продолжении Петрова поста прибавляется четвертый, по пятницам. С которого времени открылась торговля по пятницам в течении Петрова поста, мне неизвестно. Стечение народа в эти пятницы, особенно в первую, бывает довольно многочисленное; он по большей части, является для продажи полотна, новины и ниток. Торговля розничная бывает плоха; она оканчивается Троицыным Днем, после которого редко кто из городских и сельских жителей покупает себе обновы. В нынешнем году, по случаю продолжительности поста, торговых пятниц было пять, что редко случается.

Петров пост кончается праздником Первоверховных Апостол Петра и Павла 29-го июня. Никогда в Ростове не собирается столько сельского сословия, как 29-го июня, так, что можно сказать, в этот день бывает в Ростове небольшая сельская ярмарка. Народ стекается для поклонения святых и для продажи разных сельских произведений. Для поклонения угодникам Божиим, являются богомольцы верст за шестьдесят и более от Ростова, разъезжаются по монастырям, внутри соборной ограды и по приходским церквям. Богомольцы приходят накануне и ночуют в городе. — Для продажи полотен, новины, коровьего масла и проч., окрестные крестьяне съезжаются ранним утром в день праздника. В нынешний Петров день стечение поселян было значительное, более 8000 человек. Так же ни в один день, в продолжении всего года, не привозят столько бревен, досок и прочаго леса, сколько в Петров день, и цена на этот товар бывает дешевая. И ныне на лесной площади съезд был значительный. Сверх разного строевого леса одних бревен для обжига кирпичей куплено заводчиками до 400 возов. Так

же много было привезено коровьего масла, до осьми десяти пудов, почему и цена ему обозначилась крайне дешевая, 3 р. 70 к. сер. за пуд; яйца покупали 40 коп. за сотню (очень дешево); льняное масло 3 руб. за пуд; овес 2 руб. сер. за четверть. Погода была в этот день благоприятная не совсем; небо хмурилось, по временам преподал небольшой дождь, который впрочем, нисколько не помешал торгу.

Не во всяком уездном городе можно встретить столько гостиниц и трактиров, сколько находится их в Ростове. Почти на всех угловых домах внутри города, висят вывески с названиями: «Европа», «Россия», «Китай», «Москва», «Лондон», «Париж», «Берлин», «Гамбург». В нынешний Петров день все эти города были наполнены сельскими жителями обоего пола. Трудолюбивому мужичку Ростовского уезда, продавшему изделия своего семейства и произведения земли своей, трудно обойтись без путешествия по этим городам, и непременно надобно распить в них две, три бутылки холодного пива или три четыре пары задхлисто-розианного чая.

Утром описываемого дня, пришедши с знакомым в «Париж», мы насилу могли отискать небольшой столик: все были заняты. В комнате происходил сильный шум, потому что крестьяне по привычке, объясняются между собою довольно громко. Насупротив нас, за длинным столом, сидели три крестьянина и четыре крестьянки. Один из крестьян громким голосом читал письма из Петербурга, в письмо посылалось безчисленное множество поклонов невесткам, своячницам, племянницам и крестным, каждому поименно. Через стол от этой компании находилась другая группа: порядочная толпа крестьян окружала молодого парня, читавшего «Московские ведомости». По платью и приемам крестьянина, можно было догадаться, что он жила в Петербурге, и недавно приехал оттуда. По доходившим до меня словам, я понял, что он читал о древних русских монетах, найденных в селе Сенькине Тульской губернии. Во многих местах трактирной залы курили табак и сигары, особенно последние, которые на этих годах сильно распространились и между крестьянами. Заговорив о гостиницах и трактирах ростовских, не лишним считаю упомянуть, что в некоторых из них получают газеты: в «Европе», «Китае» и «Париже», Московские и Ярославские ведомости, в «Берлине» — Северная пчела. Любителей журнального чтения в Ростове не мало.

Прекрасная погода, бывшая здесь в июне, с наступлением июля переменялась на холодную, осеннюю и все оделись в теплое платье. Странно было смотреть на это в июле, который в нашем климате должен быть месяцем жарким. Днями шел дождь, ветер дул северный, словом здешнюю погоду первой половины июля скорее можно назвать не июльской, а сентябрьскою. С 15-го июля небо прояснело, а температура воздуха значительно сделалась теплее. Здесь в прошлые годы с 8-го июля, а если не с этого дня то почти всегда с 15-го июля, начинали покупать крестьяне зеленый горох, разводимый в здешнем уезде в порядочном количестве; но в нынешнее лето, вот уже и Ильин день, 20 июня, а покупок гороха значительными партиями еще не было: бывшая холодная погода остановила созревание многих огородных растений.

Н. Земский. 19-го Июля 1852.